

смаробанне

Джумия Куин

*Годъ
наслаждения*

Квартет Смайт-Смитов

Джулия Куин

Ночь наслаждений

«АСТ»

2012

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)

Куин Д.

Ночь наслаждений / Д. Куин — «АСТ», 2012 — (Квартет Смайт-Смитов)

ISBN 978-5-17-097534-1

Дэниел Смайт-Смит, граф Уинстед, во время дуэли подстреливший своего друга, три года скрывался за границей от преследователей, нанятых графом Рамсгейтом – разъяренным отцом раненого. Узнав, что прощен, Дэниел вернулся домой – и немедленно страстно влюбился в прелестную девушку, игравшую на фортепиано во время семейного концерта. Увлечение это не сулит ничего хорошего. Потому что, во-первых, предмет страсти Дэниела – бедная гувернантка Энн Уинтер, брак с которой обернется настоящим скандалом, а во-вторых – и на графа, и на его возлюбленную кто-то охотится. Дэниел предполагает, что его снова преследуют подручные Рамсгейта, однако и Энн явно скрывает какую-то опасную тайну...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-17-097534-1

© Куин Д., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Джулия Куин
Ночь наслаждений
Роман

Julia Quinn

A night like this

© Julie Cotler Pottinger, 2012

© Перевод. Т.А. Перцева, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

– Уинстед, чертов ты шулер!

Дэниел Смайт-Смит изумленно моргнул. Он был немного пьян, верно, но, кажется, кто только сейчас обвинил его в нечестной игре! Он не сразу понял, что обращаются к нему: в конце концов, он не пробыв графом Уинстедом еще и года и иногда забывал оборачиваться, когда кто-то титуловал его.

Но, нет, он Уинстед, вернее, Уинстед – это он и...

Он тряхнул головой, пытаясь собраться с мыслями. О чем только он думает?

О, верно, о чем?

– Нет, – медленно выговорил он, все еще сбитый с толку происходящим. И протестующе поднял руку, поскольку был вполне уверен, что не мухлевал. Мало того, после очередной бутылки вина, возможно, это было единственным, в чем он уверен.

Но больше ему не удалось ничего сказать. Он едва успел отскочить в сторону, когда в него швырнули стол.

Стол? Черт возьми, до чего же он пьян!

Но точно, стол лежал на боку, карты рассыпались по полу, а Хью Прентис орал на него как помешанный.

Должно быть, от выпитого помутился и его рассудок.

– Я не жульничал, – заверил Дэниел и, вскинув брови, заморгал, словно стараясь стереть тонкую пленку хмельного тумана, застилавшую... все, черт возьми.

Он глянул на Маркуса Холройда, своего ближайшего друга, и пожал плечами:

– Я не шулер.

Все на свете знали, что он не шулер.

Но Хью явно потерял разум, и Дэниел мог только беспомощно смотреть, как Хью рвет и мечет, размахивая руками. Дэниел с усмешкой подумал, что сейчас он походит на шимпанзе. Если не считать отсутствия шерсти, конечно.

– О чем это он? – спросил Дэниел, ни к кому в особенности не обращаясь.

– У тебя не могло быть туза! – продолжал вопить Хью, бросившись к нему с протянутой рукой и видом обвинителя. И даже потряс ей, обводя то место, где прежде стоял стол. – Не могло, это невозможно! – едва ворочая языком, продолжал он.

– Но он оказался у меня, – ответил Дэниел. Не злобно. Даже не оправдываясь. Просто констатировал факт и даже пожал плечами с видом «что-еще-тут-говорить?»

– Не может этого быть! – настаивал Хью. – Я помню каждую карту в колоде.

И это правда. Хью всегда знал каждую карту в колоде. В этом отношении его ум был извращенно остер. Он мог делать вычисления в уме. Причем сложные. С четырех- и пятизначными цифрами, с заимствованиями и переносами, и всей той чушью, которой они были вынуждены бесконечно заниматься в школе.

Теперь Дэниел понимал, что, возможно, не стоило уговаривать его играть. Но он искал развлечений и, честно говоря, ожидал, что проиграет.

Никто и никогда не выигрывал в карты у Хью Прентиса.

Дэниел стал первым.

– Замечательно, – пробормотал он, глядя на рассыпанные карты. Да, сейчас они валяются на полу, но он знал каждую взятку. И был так же изумлен, как окружающие, когда выложил выигрышную комбинацию. – Я выиграл, – объявил он, хотя у него было такое чувство, что это и без него все знают. И, повернувшись к Маркусу, добавил: – Представляешь?

– Да ты хоть слышишь его? – прошипел Маркус, хлопнув в ладоши перед лицом Дэниела. – Очнись!

Дэниел мрачно насупился и наморщил нос, пытаясь остановить непрерывный гул в ушах. Вот этого он точно не ожидал.

– Я не сплю, – заверил он.

– Я требую сатисфакции! – прорычал Хью.

Дэниел изумленно уставился на него:

– Что?!

– Назови своих секундантов!

– Ты вызываешь меня на дуэль?

Хотя по словам Хью и так все было понятно. Но ведь Дэниел пьян и мог не так расслышать. А Прентис – оговориться.

– Дэниел! – простонал Маркус.

Дэниел обернулся:

– Думаю, он вызывает меня на дуэль.

– Дэниел, заткнись!

– Пфффф, – отмахнулся от него Дэниел. Он любил Маркуса как брата, но иногда не слишком хорошо соображал. – Хью, – обратился Дэниел к взбешенному человеку, который стоял перед ним, – не будь ослом.

Хью бросился на него.

Дэниел отскочил, но недостаточно быстро, – и оба рухнули на пол. Дэниел был на добрых десять фунтов тяжелее Хью, но на стороне последнего была ярость, тогда как Дэниел был просто ошеломлен и одурманен, так что Хью успел нанести не менее четырех ударов, прежде чем Дэниел успел ответить одним. И даже он не достиг цели, потому что Маркус с помощью нескольких джентльменов вмешался и растащил дерущихся.

– Ты чертов шулер! – прошипел Хью, пытаясь вырваться, хотя его держали двое.

– А ты идиот.

Лицо Хью потемнело.

– Я требую сатисфакции!

– Ну нет! – рявкнул Дэниел.

В какой-то момент, возможно, когда Хью всадил кулак ему в челюсть, недоумение Дэниэла сменилось бешенством.

– Это я требую сатисфакции!

Маркус застонал.

– «Пэтч оф грин»? – холодно осведомился Хью, имея в виду уединенное место в Гайд-парке, где джентльмены улаживали свои разногласия.

Дэниел глянул ему в глаза.

– На рассвете.

Последовало мертвенное молчание: всем хотелось, чтобы будущие дуэлянты образумились.

Но ничего подобного не произошло. Как и следовало ожидать.

Уголок губ Хью приподнялся.

– Да будет так.

– Дьявол! – простонал Дэниел. – Голова просто раскалывается.

– Да неужели? – ехидно бросил Маркус. – Представить не могу, с чего бы это.

Дэниел сглотнул горькую слюну и потерял здоровый глаз. Тот, что не подбил Хью накануне вечером.

– Сарказм тебе не идет.

Маркус проигнорировал это высказывание:

– Еще есть время передумать.

Дэниел оглядел деревья, окружавшие поляну, зеленую-зеленую траву под ногами... Наконец взгляд его упал на Хью Прентиса и стоявшего рядом человека. Оба осматривали пистолет. Солнце вошло минут десять назад, и утренняя роса все еще льнула к каждой поверхности.

– Немного поздно для этого, не находишь?

– Дэниел, это идиотизм. Ты не в том состоянии, чтобы стрелять. Возможно, ты еще не протрезвел после вчерашнего.

Маркус с тревогой смотрел на Хью.

– Он назвал меня шулером.

– За это не стоит умирать.

Дэниел закатил глаза:

– О, ради всего святого, Маркус. Не собирается же он меня пристрелить!

Маркус с тревогой оглядел Хью.

– На твоём месте я не был бы так уверен.

Дэниел рассеял его волнение, в очередной раз закатив глаза:

– Он промажет.

Маркус покачал головой и пошел к середине поляны, на встречу с секундантом Хью. Дэниел наблюдал, как они осматривают пистолеты и беседуют с хирургом.

Кто, черт возьми, додумался пригласить лекаря? На дуэлях никто и никогда не целится как следует. Ранить кого-то весьма затруднительно.

Вернулся помрачневший Маркус и отдал Дэниелу пистолет.

– Постарайся не убить себя, – пробормотал он. – Или его.

– Угу, – кивнул Дэниел, стараясь выглядеть как можно более беспечно. Он занял место у отметки, поднял руку и стал ждать отсчета.

Один.

Два.

Тр...

– Черт подери, ты в меня попал! – взвизгнул Дэниел, в бешенстве уставившись на Хью. Глянул на свое плечо, из которого сочилась кровь. Пуля попала в мышцу, но, господи боже, как больно! И к тому же это правая рука. – Дьявол, о чем ты только думал! – завопил он.

Хью молча стоял, глядя на него как идиот, словно не понимал, что пуля может ранить.

– Проклятый кретин, – пробормотал Дэниел, поднимая пистолет и готовясь стрелять. И прицелился в сторону, туда, где стояло прекрасное толстое дерево, куда можно было всадить пулю. Но тут подбежал хирург, что-то лепеча. Дэниел повернулся к нему, поскольку заступил на мокрой траве, палец застыл на спусковом крючке – и тут раздался выстрел.

Черт, от этой отдачи боль пронзила руку.

Хью взвыл.

Дэниел мгновенно оледенел и с нахлынувшим ужасом уставился на то место, где только что стоял Хью.

– О боже!

Маркус и хирург уже бежали туда. Кровь была повсюду, так много крови, что Дэниел даже с другого конца поляны видел, как она пропитывает траву. Пистолет выскользнул из его пальцев, а сам он, словно в трансе, двинулся вперед.

Господи милостивый, неужели он только что убил человека?

– Принесите мой саквояж! – крикнул хирург, и Дэниел сделал еще шаг. Что ему теперь делать? Помогать? Но Маркус уже хлопчет над Хью вместе с его секундантом. И кроме того, разве не Дэниел только сейчас ранил Хью?

Так ли должен поступать джентльмен? Помогать человеку после того, как всадил в него пулю?

– Держитесь, Прентис, – взмолился кто-то. Дэниел снова шагнул вперед, еще и еще, пока едкий запах крови не ударил в нос.

– Перевязывайте потуже, – сказал кто-то.

– Он потеряет ногу.

– Все лучше, чем потерять жизнь.

– Необходимо остановить кровотечение.

– Нажмите сильнее.

– Не теряй сознание, Хью.

– Кровь не останавливается!

Дэниел слушал все это, хотя не различал голосов. Но это не важно. Хью умирает, прямо здесь, на траве, и это он убил его.

Но это несчастный случай! Хью ранил его. А трава была мокрой от росы. Он поскользнулся.

Боже милосердный, знают ли они, что он поскользнулся?

– Я... я...

Он пытался говорить, но не находил подходящих слов. И к тому же только Маркус его слышал.

– Тебе лучше отойти, – мрачно заметил Маркус.

– Он...

Дэниел пытался задать единственный имевший значение вопрос, но задохнулся.

И упал без сознания.

Когда Дэниел пришел в себя, оказалось, что он лежал в кровати Маркуса с перевязанной рукой. Маркус сидел в ближайшем кресле, глядя в окно, за которым сияло полуденное солнце. Услышав стон очнувшегося Дэниела, он резко повернулся к другу.

– Хью? – хрипло спросил тот.

– Он жив. По крайней мере, это все, что я слышал, когда уезжал.

Дэниел закрыл глаза.

– Что я наделал? – прошептал он.

– У него вместо ноги кровавая каша. Ты попал в артерию.

– Я не хотел.

Звучало это жалко, но было правдой.

– Знаю.

Маркус повернулся к окну.

– Ты ужасный стрелок.

– Я поскользнулся. Трава была мокрой.

Он не знал, почему вообще это говорит. Все это не важно. Не важно, если Хью умрет.

Проклятье, они ведь были друзьями. Самый ужасный идиотизм в том, что они были друзьями. Он и Хью знали друг друга много лет, с первого семестра в Итоне.

Но он был пьян, и Хью был пьян, и все были пьяны, кроме Маркуса, который никогда не пил больше одной порции виски.

– Как твоя рука? – осведомился Маркус.

– Болит.

Маркус кивнул.

– И хорошо, что болит, – буркнул Дэниел, отводя глаза.

Маркус, возможно, снова кивнул.

– Мои родственники знают?

– Понятия не имею. Если и не знают, скоро узнают.

Дэниел с трудом сглотнул. Что бы ни произошло дальше, он станет парией, и это отразится на всей семье. Его старшие сестры замужем. Но дебют Хонории состоялся совсем недавно. Кто теперь на ней женится?

И он даже думать боялся о том, что станет с матерью.

– Я должен покинуть страну, – без обиняков сказал Дэниел.

– Он еще не умер.

Дэниел повернулся к другу, не в силах поверить прямоте такого заявления.

– Если он выживет, тебе необязательно уезжать, – пояснил Маркус.

Верно, что ни говори, но Дэниел и представить не мог, что Хью выкарабкается. Он видел кровь. Видел рану. Черт, он даже видел кость, обнаженную белую кость!

Никто не выживает после такого ранения. Если его не убьет потеря крови, прикончит инфекция.

– Мне следует поехать к нему, – решил наконец Дэниел, пытаясь сесть. Даже перекинул ноги через край кровати и почти коснулся пола, как раз в тот момент, когда Маркус к нему подбежал.

– Это не слишком мудрая идея, – предупредил он.

– Мне нужно объяснить, что я не хотел его ранить.

Брови Маркуса поднялись:

– Вряд ли это теперь играет какую-то роль.

– Для меня играет.

– Вполне возможно, там присутствует магистрат.

– Если бы он хотел меня арестовать, давно бы нашел здесь.

Маркус обдумал сказанное и наконец отступил:

– Ты прав.

Он протянул руку, и Дэниел вцепился в нее, чтобы не упасть.

– Я играл в карты, – глухо сказал он, – потому что именно так джентльмены проводят время. А когда он назвал меня шулером, я вызвал его на дуэль, потому что именно так поступают джентльмены.

– Не изводи себя, – посоветовал Маркус.

– Подожди, – мрачно бросил Дэниел. Он закончит. Есть вещи, которые просто необходимо высказать.

Сверкая глазами, он повернулся к Маркусу:

– Я стрелял в сторону, потому что именно так пристало джентльмену, – яростно прошипел он. – И я промахнулся. Я промахнулся и ранил его, и теперь собираюсь, черт возьми, сделать именно то, что делает любой человек: пойти к нему и сказать, что сожалею. И попросить прощения.

– Я отвезу тебя туда, – коротко ответил Маркус. Да что же еще он мог ответить?

Хью был вторым сыном маркиза Рамсгейта, по-этому его отвезли в отцовский дом, недалеко от дворца Сент-Джеймс. Дэниелу не потребовалось много времени, чтобы понять, что там он – нежеланный гость.

– Вы! – прогремел лорд Рамсгейт, указывая на Дэниела, словно обличал самого дьявола. – Как вы смеете показываться здесь?!

Дэниел старался стоять неподвижно. У Рамсгейта было полное право злиться. Он в шоке. Он скорбит.

– Я приехал...

– Засвидетельствовать свое почтение? – презрительно перебил маркиз. – Или принести соболезнования? Уверен, вам будет жаль услышать, что для этого еще немного рано.

Дэниел позволил себе легкий проблеск надежды.

– Так он жив?

– Едва.

– Я бы хотел извиниться, – сухо пояснил Дэниел.

Глаза Рамсгейта, и без того навывкате, стали невероятно огромными.

– Извиниться? В самом деле? Считаете, что извинение спасет вас от виселицы, если мой сын умрет?

– Я не поэтому...

– Я сделаю все, чтобы вас повесили. И не думайте, что я отступлюсь.

Дэниел ни секунды в этом не усомнился.

– Это Хью бросил вызов, – тихо вставил Маркус.

– Мне плевать, кто бросил вызов, – отрезал Рамсгейт. – Мой сын сделал то, что полагается джентльмену: не целился в сердце. Но вы...

Он уставился на Дэниела, так и излучая злобу и скорбь.

– Вы тяжело его ранили. Зачем вам это понадобилось?

– Я не хотел.

На секунду Рамсгейт так и впился в него взглядом.

– Не хотели? Таково ваше объяснение?

Дэниел ничего не ответил. Объяснение действительно выглядело неубедительным даже на его слух. Но это правда. Хотя и ужасная.

Он взглянул на Маркуса в надежде на поддержку, безмолвную поддержку, просьбу подсказать, что говорить дальше. Но Маркус тоже выглядел растерянным. Наверное, следовало бы еще раз извиниться и уйти, но тут в комнату вошел дворецкий и объявил, что доктор, посещавший Хью, только сейчас спустился вниз.

– Как он? – требовательно спросил Рамсгейт.

– Будет жить, – подтвердил доктор, – при условии, что рана не загноится.

– А нога?

– Больной ее сохранит. И опять же, если не будет инфекции. Но, скорее всего, останется хромым. Кость раздроблена. Я сложил осколки, как мог... – Доктор пожал плечами. – Я не господин бог.

– Когда будет точно известно, удастся ли ему избежать инфекции? – спросил Дэниел. Он должен знать.

Доктор обернулся к нему:

– Кто вы?

– Тот дьявол, что ранил моего сына, – прошипел Рамсгейт.

Доктор потрясенно отшатнулся и даже прикрыл лицо руками, когда Рамсгейт в ярости направился к Дэниелу.

– Послушайте меня хорошенько, – злобно процедил он наступая, пока не оказался почти нос к носу с Дэниелом. – Вы за это заплатите. Это вы погубили моего сына. Даже если он выживет, все равно будет погублен, с искалеченной ногой и разрушенной жизнью.

Холодный узел недоброго предчувствия шевельнулся в груди Дэниела. Он знал, что Рамсгейт расстроен. Но тут явно нечто большее. Маркиз выглядел одержимым.

– Если он умрет, – прошипел Рамсгейт, – вы будете болтаться в петле. Если же не умрет, если каким-то образом вы избежите лап закона, я сам вас убью.

Они стояли так близко друг к другу, что Дэниел ощущал дуновение воздуха, вырывающегося из уст Рамсгейта с каждым словом. Глядя в сверкающие зеленые глаза маркиза, он понял, что такое страх.

Лорд Рамсгейт убьет его. На самом деле. Это только вопрос времени.

– Сэр, – начал Дэниел, потому что должен был что-то вставить. Он просто не мог стоять и терпеть все это. – Должен сказать, что...

– Нет, это я вам говорю! – буквально выплюнул Рамсгейт. – Мне все равно, кто вы и какой титул передал вам ваш проклятый отец! Вы умрете. Это понятно?!

– Думаю, нам пора, – вмешался Маркус и, просунув руку между мужчинами, осторожно их развел. – Доктор, – кивнул он, проводя Дэниела мимо последнего. – Лорд Рамсгейт.

– Считайте ваши дни, Уинстед! – остерег маркиз. – А еще лучше – часы.

– Сэр, – снова начал Дэниел, стараясь выказать уважение старшему по возрасту. Он еще надеялся все исправить. Нужно попытаться. – Я должен сказать...

– Не смейте говорить со мной, – перебил Рамсгейт. – Никакие слова и извинения вас не спасут. Нет такого места, где вы смогли бы спрятаться!

– Если убьете его, вас тоже повесят, – предупредил Маркус. – А если Хью выживет, вы ему понадобится.

Рамсгейт смотрел на Маркуса как на идиота.

– Думаете, я сделаю это сам? Нанять убийцу легче легкого. Цена жизни слишком мала. Даже его жизни.

Он кивком показал на Дэниела.

– Мне нужно идти, – пролепетал доктор перед тем, как исчезнуть.

– Помните это, Уинстед, – усмехнулся Рамсгейт, глядя на Дэниела со злобным пренебрежением. – Можете бежать, можете прятаться. Но мои люди вас найдут. И вы не будете знать, кто они. Так что даже не поймете, откуда пришла смерть.

Эти слова преследовали Дэниела следующие три года. Из Англии – во Францию, из Франции – в Пруссию, из Пруссии – в Италию. Он слышал их во сне, в шелесте листьев, в каждом раздававшемся за спиной шаге. Он научился держаться спиной к стенам, не доверять никому. Даже женщинам, с которыми иногда находил наслаждение. И смирился с тем, что его нога больше не ступит на берег Англии, что больше он не увидит родных... пока однажды, к своему величайшему удивлению, в одной итальянской деревушке не увидел хромавшего ему навстречу Хью Прентиса.

Он знал, что Хью выжил, поскольку иногда получал письма из дома. Но не ожидал, что снова увидит Хью, особенно здесь, под средиземноморским солнцем, палившим камни древней городской площади, под крики «до свиданья» и «доброго пути».

– Я нашел тебя, – сказал Хью, протягивая руку. – Прости. – И тут он добавил слова, которые, как думал Дэниел, ему никогда не придется услышать: – Можешь ехать домой. Все улажено.

Глава 1

Для леди, прошедшей последние восемь лет в стараниях остаться незамеченной, Энн Уинтер оказалась в затруднительном положении.

Приблизительно через минуту ее заставят выйти на импровизированную сцену и перед не менее чем восьмьюдесятью членами сливок лондонского общества сесть за фортепьяно и сыграть.

Некоторым утешением был тот факт, что кроме нее на сцене будут еще три молодые женщины, участницы пресловутого квартета Смайт-Смитов. Все играли на струнных инструментах и тоже должны были выступать перед публикой. Энн, по крайней мере, может сосредоточиться на клавишах слоновой кости и не поднимать головы. Если повезет, мысли публики будут слишком заняты тем, насколько ужасна какофония, несущаяся со сцены, чтобы обратить внимание на темноволосую женщину, вынужденную в последнюю минуту заменить пианистку, которая, судя по словам матери (объявившей всем, кто пожелал слушать), опасно... нет, катастрофически больна.

Энн ни на минуту не поверила, что леди Сара Плейнсуорт нездорова, но что тут можно поделать? Тем более если она хочет сохранить должность гувернантки трех младших сестер леди Сары.

Но леди Сара убедила в своей болезни мать, которая решила, что концерт нужно дать обязательно. Поэтому после удивительно подробного рассказа о семнадцатилетней истории квартета Смайт-Смитов почтенная леди объявила, что Энн займет место ее дочери.

– Вы однажды упоминали, что играли отрывки первого фортепьянного квартета Моцарта, – заметила леди Плейнсуорт.

Теперь Энн глубоко об этом сожалела.

По-видимому, то обстоятельство, что Энн не играла этот квартет уже лет восемь и что она никогда не играла его целиком, не имеет ни малейшего значения. Леди Плейнсуорт не терпела возражений, так что Энн отвезли в дом ее невестки, где должен был состояться концерт, и дали восемь часов попрактиковаться.

Совершеннейший абсурд.

Крохотным утешением было одно: остальные музыканты играли так плохо, что ошибки Энн будут едва заметны. Впрочем, единственной ее целью на этот вечер было стремление остаться незаметной. Она действительно этого не хотела. Быть замеченной. По ряду причин.

– Почти пора, – взволнованно прошептала Дейзи Смайт-Смит.

Энн слегка улыбнулась. Дейзи, похоже, не понимала, как кошмарно играет.

– Я просто счастлива, – раздался угрюмый голос Айрис, сестры Дейзи, которая понимала, как ужасен их квартет.

– Брось, – отмахнулась леди Хонория Смайт-Смит, их кузина. – Все будет великолепно. Мы семья!

– Только не она, – фыркнула Дейзи, кивнув в сторону Энн.

– На сегодня она родственница, – возразила Хонория. – Еще раз спасибо, мисс Уинтер. Вы просто нас спасли.

Энн пробормотала что-то бессмысленное, поскольку не могла заставить себя сказать, что все в порядке и не стоит беспокойства или что она очень рада. Ей нравилась леди Хонория. В отличие от Дейзи, она тоже понимала, как отвратительно звучит квартет, но в противоположность Айрис хотела выступать. «Потому что нужно поддерживать репутацию семьи», – настаивала она.

Семья и традиции. До них в квартете играли семнадцать составов дам Смайт-Смитов, и если Хонория настоит на своем, еще семнадцать составов пойдут по их стопам. Так что не важно, как звучит музыка.

– Еще как важно, – буркнула Айрис.

Хонория легонько ткнула кузину смычком.

– Семья и традиции, – напомнила она. – Вот что важно!

Семья и традиции. Энн не возражала бы иметь и то и другое. Хотя это выступление не слишком ее радовало.

– Видишь что-то? – спросила Дейзи, которая прыгала с ноги на ногу, как суматошная сорока. Энн уже пришлось дважды отступить, чтобы уберечь пальцы.

Хонория, стоявшая ближе к месту, от которого они должны были войти, кивнула.

– Есть несколько пустых мест, но немного.

Айрис застонала.

– И так каждый год? – не выдержала Энн.

– Как именно? – переспросила Хонория.

– Ну... э...

Существуют вещи, которых просто не говорят племянницам своей хозяйки. Например, никто не комментирует отсутствие музыкальных способностей у других леди. Нельзя интересоваться вслух, действительно ли концерты всегда так ужасны или только в этом году. И уж определенно не стоит спрашивать, почему, если концерты так отвратительны, люди продолжают приходить.

В этот момент из боковой двери выскочила пятнадцатилетняя Харриет Плейнсуорт.

– Мисс Уинтер! – Энн повернулась, но прежде чем успела что-то сказать, Харриет объявила: – Я буду переворачивать вам страницы.

– Спасибо, Харриет, это мне очень поможет.

Харриет широко улыбнулась Дейзи, которая ответила презрительным взглядом.

Энн отвернулась, чтобы никто не увидел, как она закатила глаза. Эти двое никогда не ладили. Дейзи все воспринимала слишком всерьез, и Харриет на ее фоне казалась беспечной.

– Пора! – объявила Хонория.

Они вышли на сцену и после короткого вступления начали играть.

А Энн начала молиться.

Господи, она в жизни не трудилась так усердно! Пальцы бегали по клавишам в отчаянной попытке успеть за Дейзи, игравшей на скрипке так, словно игра была на скорость.

«Это абсурд, абсурд, абсурд», – нараспев повторяла Энн про себя. Как ни странно, единственный способ выдержать все это – продолжать говорить с собой. Вещь Моцарта была невозможно трудной даже для виртуозов.

«Абсурдно, абсурдно... ой! До!»

Энн вытянула правый мизинец и едва успела вовремя нажать на клавишу. То есть не совсем вовремя: на две секунды позже, чем полагалось.

Она бросила быстрый взгляд в публику. Женщина в первом ряду выглядела совсем больной.

«За работу, за работу...»

О господи, сфальшивила. Не важно. Никто не заметит. Даже Дейзи.

Она играла и играла, почти гадая, сумеет ли дойти до конца. Впрочем, если и не дойдет, от этого музыка намного хуже не станет. Дейзи буквально пролетала свою партию, при этом сила звука менялась от громкой до чрезвычайно громкой. Хонория упорно шла вперед, и ноты казались тяжелой поступью, а Айрис...

Айрис, как ни странно, была хороша. Впрочем, какая разница?

Энн вздохнула, разминая пальцы во время короткой паузы в партии фортепьяно. Потом снова положила их на клавиши и...

«Переверни страницу, Харриет. Переверни страницу, Харриет».

– Переверни страницу, Харриет! – прошипела она.

Харриет перевернула страницу.

Энн взяла первый аккорд и поняла, что Айрис и Хонория ушли на два такта вперед. Дейзи была... ладно, она понятия не имела, где сейчас Дейзи.

Энн поспешно пропустила несколько нот, надеясь догнать остальных. Если что-то пойдет не так, отстанет совсем ненамного.

– Вы кое-что пропустили, – прошептала Харриет.

– Не важно.

И в самом деле, совершенно не важно.

Наконец – о, наконец! – они добрались до той части, когда Энн не должна была играть на протяжении целых трех страниц. Она немного расслабилась, выдохнула, осознав, что до сих пор задерживала дыхание... кажется, минут десять... и...

Увидела кое-кого.

И замерла. Кто-то наблюдал за ней из задней комнаты. Дверь, через которую они вышли на сцену, та самая, которую как была уверена Энн, она плотно прикрыла, теперь была чуть приоткрыта. И поскольку Энн сидела ближе всех к двери, не говоря уже о том, что была единственным музыкантом, который не находился к ней спиной, видела за ней мужское лицо. Неизвестный явно всматривался в нее.

Паника атаковала Энн, сдавив легкие, обжигая кожу. Она знала это чувство. Оно приходило не слишком часто, слава богу, но и не так редко. Каждый раз, когда она видела кого-то, где этот кто-то не должен находиться...

Стоп.

Она заставила себя дышать ровнее. В конце концов, она в доме вдовствующей графини Уинстед. И хотя бы поэтому находится в полной безопасности. Ей только необходимо...

– Мисс Уинтер! – прошипела Харриет.

Энн встрепенулась.

– Вы пропустили вступление.

– Где мы сейчас? – охнула Энн.

– Не знаю. Не умею читать ноты.

Энн невольно вскинула голову:

– Но вы играете на скрипке!

– Знаю, – жалко пролепетала Харриет.

Энн наскоро просмотрела страницу, перебегая глазами от такта к такту.

– Дейзи так злобно смотрит на нас, – прошептала Харриет.

– Шшш...

Энн необходимо сосредоточиться. Она перевернула страницу, решила, что угадала, и сыграла ноту «соль».

И уже спокойнее заиграла дальше. Так, пожалуй, лучше.

«Лучше» весьма относительный термин.

Все остальное время она не поднимала головы. Не смотрела ни на публику, ни на человека, наблюдавшего за ней из задней комнаты. Тарабанила по клавишам с таким же изяществом, как остальные Смайт-Смиты, а когда все закончилось, встала и присела с по-прежнему склоненной головой. Пробормотала что-то Харриет насчет того, что неважно себя чувствует, и сбежала.

Дэниел Смайт-Смит не собирался возвращаться в Англию в день ежегодного семейного концерта, и уши искренне жалели о том, что вернулся, зато сердце... но это другая история.

Хорошо быть дома. Даже если приходится выдерживать какофонию.

Особенно потому, что приходится выдерживать какофонию. Ничто не напоминает дом мужчинам из рода Смайт-Смитов так, как жуткий разнобой, который девицы называют игрой.

Дэниел не хотел, чтобы кто-то видел его до концерта. Он отсутствовал три года и знал, что его возвращение затмит «триумф» девушек. Публика, возможно, поблагодарит его, но не хватало еще здороваться с родными в присутствии толпы лордов и леди, большинство которых, скорее всего, считают, что ему следовало оставаться в изгнании.

Но он хотел видеть семью и, как только заиграла музыка, тихо прокрался в репетиционную, на цыпочках подошел к двери и чуть приоткрыл.

И улыбнулся. Вот она, Хонория, и ее знаменитая улыбка. Сестра атакует скрипку смычком. Она и не подозревает, что не умеет играть, бедняжка. Как и остальные сестры. Но он любил их за упорство.

А вторая скрипка... господи боже, неужели Дейзи? Разве она еще не на школьной скамье? Нет, ей уже должно исполниться шестнадцать. Еще не появилась в обществе. Но уже не ребенок, но юная леди.

Айрис играет на виолончели. Лицо страдальческое. И за фортепьяно...

Он помедлил. Кто, черт возьми, за фортепьяно?

Он приник лицом к щели. Ее голова опущена, так что лица не видно, но одно ясно: она определенно не его кузина.

А вот это загадка. Он точно знал (потому что мать вечно это твердила), что квартет Смайт-Смитов состоял из незамужних молодых девушек этой семьи, и никого иного. Семья очень гордилась тем, что произвела на свет так много музыкальных (слова матери, не его собственные) девиц. Когда одна выходила замуж, всегда находилась другая, жаждущая занять ее место. Так что посторонних вовсе не требовалось.

Да и какая посторонняя особа захотела бы занять место в этом квартете?

Должно быть, одна из его кузин заболела. Это единственное объяснение. Он пытался вспомнить, кто должен сидеть за фортепьяно. Мариголд? Нет, она уже замужем. Виола? Кажется, он получил письмо, где говорилось, что и она вышла замуж. Сара? Скорее всего Сара.

Дэниел покачал головой. Свирепые девицы, эти его родственницы.

Он с некоторым интересом наблюдал за леди. Она так трудилась, чтобы не отстать. Кивала, глядя в ноты, и иногда морщилась. Харриет стояла рядом, переворачивая страницы в самые неподходящие моменты.

Дэниел хмыкнул. Кем бы ни была бедная девушка, он надеялся, что ей хорошо заплатят.

Наконец она опустила руки, когда Дейзи начала играть скрипичное соло, невероятно при этом фальшивя. Незнакомка выдохнула, размяла пальцы и тут...

Вскинула глаза.

Время остановилось. Просто остановилось. Правда, это банальный способ описать происходившее. Но эти несколько секунд, когда ее лицо было поднято к нему... растягивались и тянулись, вплавляясь в вечность.

Она была прекрасна. Но это слово не объясняло произведенного ею на него впечатления. Он и раньше видел прекрасных женщин. И даже спал со многими. Но это...

Даже его мысли едва ворочались в голове.

Волосы были блестящими, темными и густыми – и не важно, что они были стянуты в скромный узел. Ей не нужны щипцы для завивки или бархатные ленты. Она могла бы гладко зачесать волосы, как балерина, или совсем сбрить, и все же оставалась бы самым изысканным созданием, которое он когда-либо встречал.

Дело в ее лице. Должно быть, так. Бледное личико сердечком, с поразительными темными бровями. В неярком свете было трудно сказать, какого цвета ее глаза, и это казалось трагедией. Но ее губы...

Он горячо надеялся, что эта женщина не замужем, потому что намеревался поцеловать ее. Вопрос только в том, когда.

Потом – он даже знал момент, когда это случилось, – она увидела его. Ее лицо дернулось в легкой гримасе. Она тут же застыла, с тревогой глядя на него огромными глазами.

Он насмешливо улыбнулся и покачал головой. Неужели она считает его безумцем, прокравшимся в Уинстед-Хаус, чтобы послушать концерт?

Что же, это вполне имеет смысл. Он провел так много времени, остерегаясь чужих людей, что сразу распознавал это свойство в ком-то еще. Она не знала, кто он, и, кроме того, во время концерта в задней комнате уж точно не должно быть никого.

Но поразительнее всего то, что она не отвела глаз. Их взгляды скрестились, и он не шевельнулся. Даже не дышал до того момента, пока кухня Харриет не испортила все, тыча пальцем в ноты и, очевидно, сообщив женщине, что та пропустила вступление.

Больше она так и не подняла головы.

Но Дэниел продолжал за ней наблюдать. Наблюдал, пока Харриет переворачивала страницы, пока незнакомка брала каждый аккорд. Наблюдал так пристально, что в какой-то момент даже перестал слышать музыку. Его мозг играл другую симфонию, мощную и прекрасную, стремившуюся к идеальному, неизбежному завершению.

Которого так и не случилось. Чары развеялись, когда квартет добрался до последних нот, и леди встали, чтобы поклониться. Темноволосая красавица сказала что-то Харриет, сиявшей так, словно сама была исполнительницей, а потом быстро убежала.

Не важно. Он ее найдет.

Он поспешно прошел задним коридором, которым часто пользовался в молодости, и потому прекрасно знал, какой маршрут выбирает тот, кто хочет незаметно скрыться. И точно: он перехватил ее как раз за секунду до того, как она завернула за последний угол, направляясь в помещения для слуг. Она не сразу увидела его, не увидела, пока...

– Вот вы где! – улыбнулся он, словно приветствуя давнего друга, с которым давно не виделся. Нет ничего эффективнее неожиданной улыбки, если требуется выбить человека из равновесия.

Она вздрогнула, потрясенно уставилась на него, и с губ сорвалось стаккато крика.

– Боже милосердный, – прошипел Дэниел, зажимая ей рот ладонью. – Не делайте этого! Кто-нибудь вас услышит!

Он притянул ее к себе – единственный способ надежно заткнуть ей рот. Ее тело казалось хрупким и миниатюрным и тряслось, как осиновый лист.

Она насмерть перепугана.

– Я ничего плохого вам не сделаю, – заверил он. – Просто хочу узнать, что вы здесь делаете.

Он выждал немного, после чего отстранил девушку, чтобы получше разглядеть ее лицо. В темных глазах таился страх.

– А теперь, – прошептал он, – если я вас отпущу, будете молчать?

Она кивнула.

Он оценивающе глянул на нее.

– Лжете.

Она закатила глаза, словно желая сказать: «А чего вы ожидали?»

Он хмыкнул:

– Кто вы?

И тут случилось нечто странное. Она расслабилась в его объятиях. По крайней мере, слегка. Он почувствовал, как из нее уходит напряжение. Ладонью ощутил дуновение ее дыхания.

Интересно.

Она волновалась, пока не выяснилось, что он не знает ее. Значит, опасалась, что он ее знает?!

Очень медленно и осторожно, пытаясь дать ей понять, что в любую минуту может передумать, он отнял руку от ее губ. Но не перестал обнимать ее талию. Пусть это эгоистично, но он не мог заставить себя отпустить ее.

– Кто вы? – прошептал он ей на ухо.

– А вы? – отпарировала она.

Он снова улыбнулся.

– Я первый спросил.

– Я не разговариваю с незнакомыми людьми.

Дэниел рассмеялся и тут же повернул ее лицом к себе. Понятно, что он вел себя возмутительно, фактически приставал к бедняжке. Она была явно скромна и не склонна флиртовать. И к тому же играла в семейном квартете Смайт-Смитов. Ему следовало бы поблагодарить ее!

Но голова была странно легкой, и тело, кажется, тоже. Он почти не мог мыслить ясно. Что-то в этой женщине воспаляло кровь в венах, а он и так был словно пьян оттого, что наконец добрался до Уинстед-Хауса после долгого путешествия.

Он дома. Дома! И в его объятиях прелестная женщина, которая, он был твердо уверен, не задумала его убить.

Давно уже он не испытывал подобных ощущений.

– Думаю, – восхищенно объявил он, – что мне просто необходимо вас поцеловать.

Она попыталась вырваться, но при этом выглядела не испуганной. Скорее озадаченной. А может, встревоженной.

Сообразительная женщина. Он действительно похож на безумца.

– Легкий поцелуй, – заверил он. – Мне нужно напомнить себе...

Она долго молчала, прежде чем у нее невольно вырвалось:

– О чем?

Он улыбнулся. Ему нравился ее голос. Успокаивающий и утешительный, как хороший бренди. Или летний день.

– О господи, – пробормотал он и, чуть коснувшись ее подбородка, приподнял лицо. Дыхание у нее перехватило: он уловил поток воздуха, сорвавшийся с губ, но она не сопротивлялась. Он выждал еще несколько мгновений, потому что если она начнет сопротивляться, значит, придется ее отпустить.

Но она не сопротивлялась. Смотрела ему в глаза, такая же замороженная моментом, как и он.

И он поцеловал ее. Сначала нерешительно, почти боясь, что она растает в его руках. Но этого оказалось недостаточно. В нем взорвалась страсть, и он прижал девушку к себе, наслаждаясь каждым моментом.

Она была миниатюрной. Беззащитной. Именно при виде таких девушек мужчинам хочется убивать драконов. Но в его объятиях она ощущалась настоящей женщиной, теплой и с мягкими изгибами во всех нужных местах. У него ныла рука от желания сомкнуться на ее груди или сжать ее ягодицы. Но даже он не будет вести себя так нахально с неизвестной дамой в доме своей матери.

И все же он не был готов ее отпустить. От нее пахло Англией, летним дождиком и поцелованными солнцем лугами. И она казалась лучшим местом в раю. Он хотел обернуться вокруг нее, войти в нее как можно глубже и оставаться там до конца жизни. Он ни капли не

пил все три года, но сейчас охмелел, бурля странной легкостью, которую больше и не чаял ощутить снова.

Это безумие. Должно быть безумием.

– Как вас зовут? – прошептал Дэниел.

Он хотел знать. Хотел узнать Ее.

Но она не ответила. Должно быть, потеряла терпение. Будь у него больше времени, он бы вытянул из нее правду. Но оба услышали шаги. Кто-то спускался по черной лестнице как раз в этот коридор, где они все еще застыли в объятиях друг друга.

Она предостерегающе покачала головой.

– Нельзя, чтобы меня увидели в таком положении, – настойчиво прошептала она.

Дэниел отпустил ее, но не потому, что она попросила. Скорее потому, что увидел, что за парочка спускается по ступенькам и что они при этом делают. И совершенно забыл о темноволосой ведьмочке.

Яростный крик вырвался из его горла. Он ринулся вперед.

Глава 2

Энн все еще находилась в том месте, где оказалась пятнадцатью минутами ранее, когда ринулась по коридору и влетела в первую же незапертую дверь. Ей повезло, что это был темный чулан без окон, где Энн успела вслепую нащупать виолончель, три кларнета и, похоже, даже тромбон.

Было в этом некое совпадение. Она вбежала в комнату, куда музыкальные инструменты Смайт-Смитов приходили умирать. И застряла здесь, по крайней мере, пока безумие в коридоре не закончится. До нее доносились громкий визг, нечто вроде рычания и звуки, тошнотворно напоминавшие удары кулака о человеческую плоть.

Она так и не нашла, куда сесть, разве что на пол, так что плюхнулась на холодные, не застланные ковром доски, прислонилась к голому участку стены возле двери и приготовилась пережить драку. Что бы там ни происходило, Энн не желала в этом участвовать, но, что еще важнее, не желала и близко оказаться там в тот момент, когда драчунов обнаружат. А их точно обнаружат, судя по тому грохоту, который они подняли.

Мужчины. Все они идиоты. До единого.

Хотя там, кажется, была и женщина. Это она визжит! Энн показалось, что она услышала имя «Дэниел», а потом, кажется, «Маркус», который, насколько она знала, был графом Чаттерисом. С ним она познакомилась в начале вечера. Он явно был увлечен леди Хонорией...

Кстати, если поразмыслить, визжит, видимо, она.

Энн покачала головой. Это не ее дело. Никто не осудит ее за желание остаться в стороне. Никто.

Кто-то ударился в стену прямо за ее спиной, отчего Энн отлетела по полу на добрых два дюйма. Она застонала и закрыла лицо руками. Годы спустя случайно найдут ее высохшую мумию, лежащую поверх тубы рядом с двумя флейтами, образующими знак креста.

Энн покачала головой. Нужно прекратить чтение мелодрам Харриет на ночь. Ее младшая подопечная вообразила себя писателем, а ее истории становились с каждым днем все мрачнее.

Наконец шум ударов в коридоре стих, и мужчины свалились на пол. Она чувствовала это прямо сквозь дверь. Один – прямо позади нее: они сейчас спина к спине и разделяет их только стена. Она слышала тяжелое дыхание мужчин, потом их разговор: короткие, отрывистые предложения. Она не собиралась подслушивать, но что может поделаться, если застряла здесь?

И тут она сообразила, что происходит.

Тот мужчина, что целовал ее, – граф Уинстед, старший брат леди Хонории! Она видела его портрет, и следовало бы узнать, кто перед ней. Но она не узнала.

Портрет отличался определенным сходством. Каштановые волосы цвета кофе и прекрасно очерченный рот. Но сходство было неполным. Он был красив, трудно отрицать, но никакой художник не смог бы передать спокойную, элегантную уверенность мужчины, знавшего свое место в этом мире и находившего это место вполне удовлетворительным.

О боже, она попала в переплет! Поцеловала печально известного Дэниела Смайт-Смита. Энн знала о нем все. Как и все. Несколько лет назад он дрался на дуэли, и отец противника изгнал его из страны. Но, очевидно, они заключили нечто вроде перемирия. Леди Плейнсуорт упоминала, что граф наконец возвращается домой, а Харриет передавала Энн все сплетни.

Харриет всегда была рада поделиться новостями.

Но если леди Плейнсуорт узнает, что случилось сегодня вечером... Это будет конец пребывания Энн на посту гувернантки, и не важно, в семье Плейнсуортов или любой другой. Энн с таким трудом устроилась на работу. Никто не наймет ее, если станет известно, что она флиртовала с графом. Заботливые мамы не допустят в дом гувернанток сомнительных моральных принципов.

И это не ее вина. На этот раз она действительно ни при чем.

Она вздохнула. В коридоре стояла тишина. Неужели они наконец убрались? Она слышала шаги, но было трудно сказать, ушли ли все, замешанные в драке.

Энн выждала еще несколько минут, убедившись, что все стихло, повернула дверную ручку и осторожно ступила в коридор.

– Вот и вы, – сказал он. Второй раз за вечер.

Должно быть, она подпрыгнула на целый фут. Не потому, что лорд Уинстед удивил ее. Скорее, она поразилась тому, что он так долго оставался в коридоре в полной тишине. Она и вправду ничего не слышала.

Но раскрыла она рот вовсе не потому.

– Выглядите кошмарно, – вырвалось у нее. Он был один и по-прежнему сидел на полу, вытянув длинные ноги. Энн в жизни не подумала бы, что человек может выглядеть так неустойчиво, сидя на полу, но была совершенно уверена, что граф упал бы, если бы не прислонился к стене.

Он отсалютовал ей дрожащей рукой.

– Маркус выглядит хуже.

Энн только сейчас заметила его глаз, наливавшийся фиолетовым, и рубашку, залитую кровью. И чья это кровь?

– Не уверена, что такое возможно.

Лорд Уинстед шумно выдохнул:

– Он целовал мою сестру!

Энн ждала продолжения, но он явно считал это достаточным объяснением.

– Э... – пробормотала она, потому что для подобных случаев не существовало руководств по этикету с инструкциями. Наконец она решила, что лучше всего будет справиться о результатах, а не о причинах стычки.

– Все улажено, не так ли?

Он с величественным видом вскинул подбородок:

– Очень скоро влюбленной паре будут приносить поздравления.

– О... да. Это прекрасно.

Она улыбнулась, кивнула и сжала руки перед собой в попытке стоять смирно. Все это ужасно неловко. И что теперь делать с избитым графом? Который только сейчас вернулся после трех лет изгнания? И имел весьма сомнительную репутацию до того, как сбежал из страны.

Не говоря уже обо всех этих поцелуях несколько минут назад.

– Вы знаете мою сестру? – спросил он ужасно усталым голосом. – О, конечно, знаете. Вы играли с ней на сцене.

– Ваша сестра – леди Хонория?

Ей казалось, что прилично будет уточнить.

– Я Уинстед, – кивнул он.

– Да, конечно. Меня уведомили о вашем скором возвращении.

Она смущенно улыбнулась, но чувство неловкости осталось.

– Леди Хонория очень мила и добра. Я счастлива за нее.

– Она кошмарно играет.

– И все же она была лучшей скрипачкой на этой сцене, – абсолютно честно ответила Энн.

Он громко рассмеялся.

– Из вас вышел бы прекрасный дипломат, мисс... – Он помолчал, выждал и подчеркнуто заметил: – Вы так и не назвали своего имени.

Энн поколебалась, потому что всегда колебалась, когда ее допрашивали, но тут же напонила себе, что граф Уинстед – племянник ее хозяйки. Ей нечего бояться. И к тому же никто не видел их вместе.

– Я мисс Уинтер. Гувернантка ваших кузин.

– Каких именно? Плейнсуортов?

Она кивнула.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

– О, бедняжка!

– Стоп! Они прелестны! – запротестовала Энн.

Энн обожала своих подопечных. Харриет, Элизабет и Френсис, возможно, более строптивы, чем большинство молодых девушек, но сердца у них добрые. И они никому не желают зла.

Граф вскинул брови:

– Прелестны – да. Но вот приличное поведение – под большим сомнением.

Тут он был скорее прав, и Энн не смогла сдержать легкой улыбки.

– Уверена, что они уже достаточно повзрослели с тех пор, как вы в последний раз были в их компании, – чопорно ответила она.

Он с сомнением посмотрел на нее и спросил:

– Как получилось, что играли на фортепьяно вы?

– Леди Сара заболела.

– Вот как? – В этих двух словах содержалось целое море значений. – Передайте мои пожелания скорейшего выздоровления.

Энн была совершенно уверена, что леди Сара почувствовала себя лучше в тот момент, когда мать освободила ее от концерта. Но она просто кивнула и сказала, что обязательно передаст. Хотя и не думала этого делать. Никогда и никому она не скажет, что встретила с графом Уинстедом!

– Ваша семья знает, что вы вернулись? – спросила она, рассматривая его. Он и вправду похож на сестру. Интересно, такие же ли у него глаза – блестящие, бледно-голубые, почти сиреневые? В тусклом освещении коридора невозможно сказать наверняка, не говоря уже о том, что один его глаз распух так, что осталась только щелочка. – Если не считать леди Хонории, конечно, – добавила она.

– Нет еще. – Он глянул в сторону жилой половины дома и поморщился: – Как бы я ни обожал всех несчастных гостей, отважившихся послушать концерт, предпочел бы не столь публичное появление. – Он оглядел себя и вздохнул: – Особенно в таком виде!

– Конечно, нет, – поспешно согласилась Энн. Трудно даже представить, какая бы суматоха поднялась, войди он в зал в крови и синяках.

Дэниел с тихим стоном пошевелился, пробормотал под нос что-то такое, что, как была уверена Энн, ей лучше не слышать.

– Мне нужно идти, – выпалила она. – Ужасно жаль, что так вышло и...

Она велела себе уйти. Правда велела. Каждый уголок ее мозга вопил, требуя прийти в себя и выбраться отсюда, прежде чем кто-то на них наткнется, но она могла думать только об одном: он защищал сестру!

Как можно оставить в беде такого мужчину?

– Позвольте помочь вам, – предложила она вопреки всякому здравому смыслу.

Дэниел слабо улыбнулся.

– Если не возражаете.

Она присела на корточки, чтобы получше рассмотреть его увечья. Ей часто приходилось лечить царапины и порезы, но ни с чем подобным она раньше не сталкивалась.

– Где болит? – спросила она и откашлялась. – Кроме очевидных мест.

– Очевидных?

– Ну... – Она осторожно притронулась к его глазу. – Глаз совсем заплыл. И тут...

Энн показала на левую сторону его челюсти, прежде чем коснуться плеча, видневшегося через прореху в порванной окровавленной рубашке.

– И тут.

– Маркус выглядит хуже, – повторил лорд Уинстед.

– Да, – ответила Энн, сдержав улыбку. – Вы упоминали.

– Это важная деталь.

Он криво ухмыльнулся, поморщился и поднес ладонь к щеке.

– Зубы? – встревожилась она.

– Похоже, все на месте, – проямлил он. Открыл рот, словно для того, чтобы проверить, как работают челюсти, и с очередным стоном закрыл.

– По крайней мере, я так думаю.

– Может, позвать помощь?

Он поднял брови:

– Хотите, чтобы этот кто-то узнал, что вы были здесь наедине со мной?

– О! Конечно нет! Я не подумала!

Уинстед снова улыбнулся этой сухой полуулыбкой, от которой у Энн все переворачивалось внутри.

– Да, я произвожу на женщин подобный эффект.

На ум пришел сразу десяток остроумных ответов, но Энн стиснула зубы.

– Я могла бы помочь вам подняться, – предложила она.

Он склонил голову набок:

– Или вы могли бы посидеть и поговорить со мной.

Она молча уставилась на него.

И снова эта полуулыбка...

– Всего лишь как вариант, – заверил он.

«Не слишком умный», – немедленно подумала Энн. Ради всего святого, они только что целовались! Ей вообще не следует находиться рядом с графом, особенно рядом с Уинстедом, на полу, где будет так легко повернуться к нему и...

– Наверное, нужно принести воды, – выпалила она так быстро, что едва не закашлялась. – У вас есть носовой платок? Вы, конечно, захотите немного привести себя в порядок. У вас есть платок?

Он сунул руку в карман и вытащил смятый квадратик ткани.

– Лучшее итальянское полотно, – устало пояснил он и нахмурился: – По крайней мере, было когда-то.

– Уверена, это идеально подойдет, – заметила Энн, взяв квадратик и сложив его по своему вкусу. Потянулась и промокнула его щеку. – Очень больно?

Он покачал головой.

– Жаль, что воды нет. Кровь уже подсохла.

Она нахмурилась:

– У вас нет бренди? Может, в фляжке?

Джентльмены часто носят с собой фляжки. Ее отец носил. Он редко покидал дом без нее.

Но лорд Уинстед ответил:

– Я не пью спиртного.

Что-то в его тоне напугало ее. Энн подняла глаза, встретилась с ним взглядом, и у нее снова перехватило дыхание. Она и не подозревала, как близко наклонилась к нему.

Ее губы раскрылись. Она хотела...

Слишком многого. Она всегда хотела слишком многого.

Она отстранилась, расстроенная тем, как легко качнулась к нему. Он был мужчиной, улыбавшимся весело и часто. Стоило провести несколько минут в его компании, чтобы это понять. Именно поэтому резкие нотки в его голосе озадачили ее.

– Но вы, возможно, сумеете что-то найти в конце коридора, – сказал он неожиданно, и странные, захватывающие в плен чары были сняты. – Третья дверь направо. Когда-то это был кабинет моего отца.

– В глубине дома?

Казалось бы, совершенно неподходящее место.

– У него два входа. Второй открывается в главный холл. Там сейчас никого не должно быть, но советую держаться настороже, когда войдете.

Энн поднялась на ноги и пошла в указанном направлении. Лунный свет струился в окна, и она легко нашла графин. Захватила его с собой, вышла и плотно прикрыла дверь.

– На полке у окна? – пробормотал лорд Уинстед.

– Да.

Он слегка улыбнулся.

– Некоторые вещи никогда не меняются.

Энн вытащила пробку и приложила к горлышку платок, плеснув на ткань большую порцию бренди. Вокруг мгновенно распространился резкий запах.

– Вам неприятно? – спросила она с внезапной тревогой. – Я имею в виду запах.

На ее предпоследнем месте, до того как она стала работать на Плейнсуортов, дядя молодой подопечной слишком много пил, но потом бросил. Находиться рядом с ним было чудовищно трудно. Его характер стал невыносим, и если он улавливал хотя бы легкий запах алкоголя, вел себя как безумец.

Энн пришлось уйти. По этой и другим причинам.

Но лорд Уинстед только покачал головой:

– Не то чтобы я не могу выпить. Просто предпочитаю не делать этого.

Очевидно, недоумение слишком ярко отразилось на ее лице, потому что он добавил:

– Меня не тянет к спиртному. Я не испытываю к нему ничего, кроме презрения.

– Понимаю, – пробормотала Энн.

Очевидно, у него свои секреты.

– Возможно, будет жечь, – пробормотала она.

– Определенно будет... ой!

– Простите, – вздохнула Энн, легонько проводя платком по царапинам.

– Надеюсь, Маркуса обольют этой чертовой гадостью с головы до ног, – буркнул он.

– Безусловно, если он действительно выглядит хуже вас, – улыбнулась она.

Уинстед недоуменно посмотрел на нее. Постепенно по его лицу расплылась медленная улыбка:

– Я знаю это из самого надежного источника.

Он фыркнул, но Энн не подняла глаз. В этом разговоре было нечто столь интимное... Она наклонилась над его рукой, промывая раны. Энн не знала этого человека. Совсем не знала. И все же не хотела прерывать эти мгновения. «Не потому, что это он», – твердила она себе. Просто... просто она так долго...

Она одинока. И знала это. Невелик сюрприз.

Энн показала на порез на плече и протянула ему платок. Одно дело – его лицо и руки, но коснуться его тела... невозможно.

– Возможно, вам следует...

– О нет, я не стану вас останавливать. Я наслаждаюсь вашим нежным уходом.

– Сарказм вам не идет, – покачала головой Энн.

– Не идет, – весело согласился он. – И никогда не шел. – Наблюдая, как она наливает бренди на платок, он добавил: – Так или иначе, я говорил искренне.

Она не могла позволить себе слишком глубоко раздумывать над этим признанием, поэтому, прежде чем прижать платок к ране, сухо пообещала:

– Это определенно будет щипать.

– Аааааааааааааа! – пропел он, и она невольно рассмеялась. В точности как бездарный оперный певец или один из шутов в кукольном спектакле про Панча и Джуди!

– Вам следует делать это почаще, – заметил он. – Я имею в виду – смеяться.

– Знаю.

Но это прозвучало грустно, а она не хотела быть грустной и поэтому добавила:

– Но я нечасто пытаю взрослых мужчин.

– В самом деле? – пробормотал он. – А мне казалось, вы делаете это постоянно.

Она воззрилась на него.

– Когда вы входите в комнату, – тихо пояснил он, – даже воздух меняется.

Ее рука застыла в дюйме или около того над его плечом. Она смотрела ему в лицо – ничего не могла с собой поделать – и видела в его глазах желание. Он хотел ее. Хотел, чтобы она подалась вперед и коснулась губами его губ. Это было бы так легко: нужно только качнуться к нему. Она могла бы уверить себя, что не хотела делать ничего подобного. Потеряла равновесие, вот и все.

Но Энн знала также, что это неправильно. Это не ее мир. Он граф, она... Да, она та, кем заставила себя быть. Той, кто не принимает ухаживания графов, особенно тех, у кого за спиной скандальное прошлое.

Когда он появится на людях, на него обрушится водопад всеобщего внимания, и Энн ни за что не хотела быть рядом, когда это произойдет.

– Теперь мне и вправду нужно идти, – объявила она.

– Куда именно?

– Домой. – И поскольку ей казалось, что нужно объяснить, добавила: – Я очень устала.

День был долгим и утомительным.

– Я провожу вас.

– Это совершенно необязательно.

Он глянул на нее, оттолкнулся от стены и, морщась, поднялся.

– Как вы собираетесь попасть туда?

«Что за вопрос?»

– Пойду пешком.

– В Плейнсуорт-Хаус?

– Это недалеко.

Он хмуро свел брови:

– Но слишком далеко для леди без сопровождения.

– Я гувернантка.

Это, казалось, развеселило его:

– А гувернантка, по-вашему, не леди?

Энн раздраженно вздохнула.

– Мне ничего не грозит. Я в полной безопасности, – заверила она. – Дорога прекрасно освещена. Возможно, вдоль обочины выстроились экипажи.

– И все же легче мне от этого не становится.

До чего же он упрям!

– Для меня честь познакомиться с вами, – твердо сказала она. – Уверена, родным не терпится снова увидеть вас.

Его рука сомкнулась на ее запястье.

Губы Энн раскрылись. Его кожа была теплой, а ее – раскаленной от его прикосновения. В ней вскипело что-то странное и смутно знакомое, и она вдруг потрясенно сообразила, что это возбуждение.

– Конечно, вы понимаете, – пробормотал он, и она почти сдалась. Она хотела этого: та девушка, которой она была когда-то, отчаянно хотела этого, и прошло столько времени с тех пор, как она открыла дверь достаточно широко, чтобы выпустить эту свою сущность.

– Невозможно куда-то идти в таком виде, – отрезала она. Он выглядел так, словно сбежал из тюрьмы. Или, возможно, из ада.

Он пожал плечами.

– Лучше, чтобы меня не узнали.

– Милорд...

– Дэниел, – поправил он.

– Что?! – ахнула она.

– Меня зовут Дэниел.

– Знаю. Но я не собираюсь называть вас по имени.

– Очень жаль. Все же стоило попытаться. Идем же.

Он протянул руку, которую она не взяла.

– Разве нам не пора?

– Я никуда с вами не иду.

Он плутовски улыбнулся. Даже при том, что одна сторона рта распухла и покраснела, выглядел он как дьявол.

– Означает ли это, что вы остаетесь со мной?

– Вас ударили по голове. Это единственное объяснение, – прошипела она.

Он рассмеялся и словно забыл о сказанном:

– У вас есть пальто?

– Да, но я оставила его в репетиционной. Я... не пытайтесь сменить тему!

– Хмммм?

– Я ухожу, – бросила она, подняв руку. – Вы остаетесь.

Но он преградил ей дорогу. Его рука вытянулась в жесткую горизонтальную линию, ладонь уперлась в стену.

– Должно быть, я неясно выразился, – сказал он, и в этот момент она поняла, что недооценивала его. Пусть он беспечен и легкомыслен, но это далеко не все его качества, а прямо сейчас он был на редкость серьезен.

– Есть вещи, относительно которых я не иду на компромисс. Безопасность леди – одна из них, – тихо и очень четко произнес он.

И на этом все. Его нельзя поколебать. Так что, выслушав наставления в том, что они должны оставаться в тени и переулках, где их никто не увидит, Энн позволила ему проводить ее до входа для слуг в Плейнсуорт-Хаус. Он поцеловал ей руку, и она попыталась сделать вид, будто этот жест ей не понравился.

Возможно, ей удалось одурачить его, но не себя.

– Я навещу вас завтра, – пообещал он, все еще сжимая ее пальцы.

«Что?! Нет!»

Энн отдернула руку.

– Вы не можете.

– Разве?

– Не можете! Я гувернантка! Мужчины не имеют права меня навещать, иначе я потеряю должность!

Он улыбнулся, словно мгновенно нашел легкий выход.

– В таком случае я нанесу визит кузинам.

Неужели он совершенно ничего не знает о правилах хорошего тона? Или просто настолько эгоистичен?

– Меня не будет дома, – решительно ответила она.

– Я приеду снова.

– И меня снова не окажется дома.

– Какая банальность! Но кто будет наставлять моих кузин?

– Не я, если вы намекаете на это. Ваша тетя наверняка избавится от меня.

– Даже так? – хмыкнул он. – Звучит более чем мрачно.

– Так и есть.

Господи, она должна заставить его понять! Не важно, кто он и какие вызывает в ней чувства. Волнение вечера... поцелуй... все это так мимолетно.

Главное – иметь крышу над головой. И еду: хлеб с сыром, масло, сахар и все те чудесные вещи, которые она в детстве ела каждый день. И ест сейчас, у Плейнсуортов Энн обрела стабильность, должность и самоуважение.

Она не принимала все это как должное.

Энн посмотрела на лорда Уинстеда. Он пристально наблюдал за ней, словно заглядывая в душу.

Но он не знал ее. Никто не знал. И поэтому, накинув ледяную корректность, как мантию, Энн отняла руку и присела.

– Благодарю за то, что проводили, милорд. Я ценю ваше беспокойство о моей безопасности.

С этими словами она повернулась к нему спиной и вошла в заднюю калитку.

Очутившись внутри, она не сразу смогла все трезво обдумать. Плейнсуорты возвратились только через несколько минут после ее прихода, так что следовало объяснить свой побег с концерта. Взяв перо в руки, она заявила, что хотела немедленно послать записку с объяснениями. Харриет без умолку трещала о волнующих событиях вечера: оказалось, что лорд Чаттерис и леди Хонория действительно помолвлены, причем их застали в крайне интересном положении. А потом вниз сбежали Элизабет и Френсис, потому что никто из них не мог заснуть.

Прошло не меньше двух часов, прежде чем Энн наконец смогла уйти к себе, переодеться в ночную рубашку и заползти в постель. И пройдет еще столько же, прежде чем она хотя бы попытается уснуть.

Сейчас она могла только уставиться в потолок, и думать, и гадать, и шептать:

– Аннелиза Софроуния Шоукросс, – сказала она себе, – во что ты впуталась?!

Глава 3

На следующий день, несмотря на все уверения вдовствующей графини Уинстед в том, что она не желает ни на секунду отпускать вновь обретенного сына, Дэниел направился в Плейнсуорт-Хаус. Он не сказал матери, куда едет. Она бы наверняка навязалась ехать с ним. Дэниел сказал ей, что у него дела с адвокатами, и не соврал. Джентльмен не может возвратиться после трехлетнего путешествия и не посетить по крайней мере одного поверенного. Но так случилось, что адвокатская контора «Стритен-энд-Понс» находилась всего в двух милях от Плейнсуорт-Хауса. Совсем рядом, и почему бы неожиданно не посетить своих молодых кузин? Такая идея может легко прийти в голову мужчине, если в его распоряжении экипаж. И вообще, он может оказаться, где угодно.

У задней калитки Плейнсуортов, например.

Что, если он думал об этом все то время, когда шел домой пешком? Или лежа в постели?

Он не спал, думая о таинственной мисс Уинтер: изгибе ее щеки, запахе ее кожи. Он был очарован, с готовностью признавал это и твердил себе, что всему причиной – счастье вновь оказаться дома. Вполне естественно, что он ошеломлен при виде столь прелестного примера английской женственности.

Итак, после двухчасового мучительного свидания с мистерами Стритеном, Понсом и Боуфорт-Грейвзом (еще, очевидно, не поместившем свое имя на дверную табличку) Дэниел велел кучеру везти его в Плейнсуорт-Хаус. Он действительно хотел увидиться с кузинами.

Вот только еще больше хотел увидеть гувернантку.

Тети не оказалось дома, зато была кузина Сара, которая приветствовала Дэниела восторженным воплем и теплыми объятиями.

– Почему никто не сказал мне, что ты вернулся? – расстроилась она и, отстранившись, стала рассматривать его физиономию. – И что с тобой стряслось?

Он открыл рот, чтобы ответить, но она отрезала:

– Только не говори, что на тебя напали грабители, потому что я все знаю насчет подбитого глаза Маркуса.

– Он выглядит хуже, чем я, – подтвердил Дэниел. – И твои родные не знали, что я вернулся. Не хотел своим появлением испортить концерт.

– Очень предусмотрительно с твоей стороны, – насмешливо ответила она.

Он с нежностью посмотрел на кухню, ровесницу своей сестры. Они росли вместе, и Сара, похоже, проводила в их доме столько же времени, сколько в своем.

– Очень, – согласился он, – смотрел из репетиционной комнаты. Представь мое удивление при виде незнакомки за фортепьяно.

Сара прижала руку к сердцу:

– Я была больна.

– Счастлив видеть, что ты так скоро восстала со смертного одра.

– Вчера я едва держалась на ногах, – настаивала она.

– В самом деле?

– Разумеется! Головокружение, знаешь ли. – Она взмахнула рукой, словно отгоняя собственные слова. – Это ужасное бремя.

– Уверен, что люди, страдающие головокружением, тоже так считают.

Сара на мгновение сжала губы, но тут же сказала:

– Довольно обо мне. Полагаю, ты слышал великолепные новости о Хонории.

Он последовал за кухней в гостиную и сел:

– Что скоро она станет леди Чаттерис? Разумеется.

– Я счастлива за нее. В отличие от тебя, – фыркнула Сара. – И не заявляй, что тоже счастлив, потому что твои увечья говорят об обратном.

– Я безумно рад за них обоих, – заверил он. – Это... – Он обвел лицо рукой. – Было чистым недопониманием.

Сара с сомнением уставилась на кузена, но спросила только:

– Чаю?

– Был бы очень рад.

Он встал, когда она поднялась и позвонила горничной.

– Скажи, твои сестры дома?

– В комнате для занятий. Хочешь их повидать?

– Конечно! – ответил он немедленно. – Они, наверное, так выросли в мое отсутствие!

– Скоро они спустятся, – кивнула Сара, возвращаясь к дивану. – У Харриет шпионы по всему дому. Кто-то донесет ей о твоём приезде. Я уверена.

– Скажи, – начал он, приняв небрежную позу, – кто был за пианино вчера вечером? – Она с любопытством взглянула на него. – Вместо тебя, – уточнил он очевидное. – Потому что ты болела.

– Это была мисс Уинтер, – ответила Сара, с подозрением прищурившись. – Гувернантка сестриц.

– Какое счастье, что она смогла заменить тебя.

– Счастливая случайность, – пояснила Сара. – Я боялась, что концерт отменят.

– Твои кузины были бы разочарованы, – пробормотал Дэниел. – Но эта... как ее зовут?

Мисс Уинтер?

– Да.

– Она знала вещь, которую вы исполняли?

Взгляд Сары был на удивление чистосердечным:

– Очевидно, так.

Он кивнул.

– Думаю, все семейство обязано горячо поблагодарить мисс Уинтер.

– Она, несомненно, заслужила благодарность матушки.

– Давно она служит у вас гувернанткой?

– Около года. Почему ты спрашиваешь?

– Просто так. Любопытно.

– Странно, – протянула она, – раньше ты никогда не интересовался моими сестрами.

– Неправда! – возразил он с оскорбленным видом. – Они мои кузины.

– У тебя множество кузин.

– И за границей я скучал обо всех. В разлуке сердце смягчается.

– О, прекрати! – воскликнула наконец Сара с таким видом, словно хотела с отвращением вздеть руки к небу. – Ты никого не одурачишь!

– Прошу прощения? – пробормотал Дэниел, хотя у него было такое чувство, что все пропало.

Сара закатила глаза:

– Думаешь, ты первый заметил, что наша гувернантка абсурдно неотразима?

Он уже хотел отпарировать вопрос ехидной репликой, но Сара, кажется, была готова вот-вот выпалить: «И не говори, что не заметил...»

Поэтому он ответил коротко:

– Нет!

На самом деле не было смысла протестовать. Красота мисс Уинтер способна приковать к месту любого мужчину. Это не та неброская красота, как у Сары или, скажем, Хонории.

Обе были прелестны, но никто не замечал насколько, пока не узнавал их получше. А вот мисс Уинтер...

Только мертвый не заметит ее.

Сара вздохнула со смесью раздражения и смирения:

– Это ужасно раздражало бы, не будь она такой славной.

– К красоте не обязательно прилагается дурной характер.

Она снова фыркнула:

– Кто-то стал настоящим философом после долгого пребывания на континенте.

– Ну, знаешь, все эти греки и римляне... это очень отражается на человеке.

– О, Дэниел, ты хочешь расспросить меня о мисс Уинтер? Если хочешь, так и скажи.

Он подался вперед:

– Расскажи о мисс Уинтер!

– Ну... – вздохнула Сара, – особенно тут и говорить нечего.

– Я мог бы задать тебе трепку, – мягко заметил он.

– Нет, это правда. Я знаю о ней очень мало. В конце концов, она не моя гувернантка.

Думаю, она откуда-то с севера. Прибыла с рекомендациями от семейства в Шропшире. И еще с острова Мэн.

– Остров Мэн? – переспросил он недоверчиво. Он, наверное, и не знал никого, кто когда-либо видел остров Мэн. Дьявольски отдаленная дыра, куда трудно добраться. И погода там вечно паршивая. По крайней мере, так ему сказали.

– Я как-то спрашивала ее об этом, – пожала плечами Сара. – Она сказала, что там довольно уныло.

– Могу представить.

– Она никогда не говорит о своей семье, хотя, кажется, однажды упоминала о сестре.

– Она получает письма?

– Я ничего об этом не слышала, – покачала головой Сара. – А если и отправляет что-то, то не из дома.

Он с некоторым удивлением взглянул на кузину.

– Ну... я бы заметила, – стала оправдываться Сара. – И в любом случае не позволила бы тебе беспокоить мисс Уинтер.

– Я и не собираюсь ее беспокоить.

– Еще как собираешься. По глазам вижу.

– Ты весьма хорошая актриса для той, которая избегает сцены, – снова съязвил Дэниел.

В прищуренных глазах Сары мелькнула подозрительность.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Только то, что ты просто олицетворение здоровья!

– Пффф! Собираешься меня шантажировать? Желаю удачи. Никто и без того не верит, что я болела.

– Даже твоя матушка.

Сара отпрянула.

«Шах и мат».

– Что тебе нужно? – спросила она напрямик.

Дэниел помедлил для пущего эффекта. Зубы Сары плотно сжаты. Великолепно! Если подождать достаточно долго, из ее ушей может пойти пар.

– Дэниел, – проскрипела она.

Он наклонил голову, словно обдумывая, что сказать.

– Тетя Шарлотта будет крайне разочарована, узнав, что ее дочь манкирует своими обязанностями.

– Я уже спросила, что тебе... о, не важно! – Она закатила глаза и покачала головой, словно готовясь успокоить трехлетнего малыша. – Я подслушала, что мисс Уинтер сегодня утром собралась повести Харриет, Элизабет и Френсис на познавательную прогулку в Гайд-парк.

Дэниел улыбнулся:

– Последнее время я упоминал, что ты одна из моих любимых кузин?

– Мы квиты, – предупредила она. – Если хоть слово скажешь матери...

– Мне бы такое в голову не пришло.

– Она уже пригрозила сослать меня на неделю в деревню. Отдохнуть и оправиться.

Он проглотил смешок.

– Она тревожится о тебе.

– Полагаю, могло быть хуже, – вздохнула Сара. – Собственно говоря, я не против деревни, но она настаивает именно на Дорсете. Я все это время проведу в экипаже и тогда уж точно заболую.

Сара плохо переносила поездки. Всегда.

– Как зовут мисс Уинтер? – спросил Дэниел.

– Постарайся выведать сам, – отпарировала Сара.

Он решил не спорить, но прежде чем успел что-то сказать, Сара резко повернула голову к двери.

– А, как раз вовремя! Кажется, я слышу, как кто-то спускается по лестнице. Интересно, кто бы это мог быть?

Дэниел встал:

– Мои дорогие маленькие кузины. Конечно. – Он подождал, пока все они не покажутся в проеме двери. – О! Харриет! Элизабет! Френсис!

– Не забудь мисс Уинтер, – пробормотала Сара.

Та, которая пробегала мимо, попятилась и заглянула в комнату. Это была Френсис, но она явно не узнала его.

У Дэниела сжалось сердце. Он такого не ожидал. А если и ожидал, то не думал, что ему будет так больно.

Но Харриет была старше. Ей было двенадцать, когда он уехал на континент, и, просунув голову в дверь, она взвизгнула и побежала к нему.

– Дэниел! Ты вернулся! О, ты вернулся, вернулся, вернулся!

– Вернулся, – подтвердил он.

– Как чудесно снова тебя видеть! Френсис, это кузен Дэниел! Ты его помнишь.

Френсис, которой на вид было лет десять, охнула:

– Оооо! Ты выглядишь совсем другим.

– Вовсе нет, – возразила Элизабет, вошедшая в комнату вслед за сестрами.

– Я пытаюсь быть вежливой, – прошипела Френсис.

Дэниел рассмеялся:

– Ну уж ты действительно выглядишь по-другому.

Он нагнулся и ущипнул ее за подбородок.

– Почти взрослая девушка.

– Ну, я бы так не сказала, – скромно пролепетала Френсис.

– Зато об остальном говоришь слишком много, – съехидничала Элизабет.

Френсис мгновенно повернула голову в ее сторону:

– Прекрати!

– Что случилось с твоим лицом? – поинтересовалась Харриет.

– Это было недоразумение, – коротко ответил Дэниел, гадая, сколько времени уйдет на то, чтобы зажили синяки. Конечно, он не слишком тщеславен, но очень утомляли расспросы на эту тему.

– Недоразумение? Встреча с наковальной? – не унималась Элизабет.

– Перестань, – урезонила Харриет. – Думаю, он выглядит неотразимо.

– Ну да, определенно после встречи с наковальной.

– Не обращай на нее внимания, – посоветовала Харриет. – У нее совершенно нет воображения.

– Где мисс Уинтер? – громко спросила Сара.

Дэниел увидел, как она улыбнулась. Добрая старушка Сара!

– Не знаю, – ответила Харриет, оглядываясь сначала через одно плечо, потом через другое. – Она спускалась как раз за нами.

– Кто-нибудь, пойдите за ней, – велела Сара. – Она захочет узнать, почему вы задержались.

– Иди, Френсис, – сказала Элизабет.

– Почему именно я?

– Потому что.

Френсис, угрюмо ворча, удалилась.

– Я хочу услышать все об Италии, – потребовала Харриет, глаза которой сверкали юношеским энтузиазмом. – Правда, что это ужасно романтическая страна? Ты видел башню, которая все собирается упасть, но никак не упадет?

– Не видел, – улыбнулся Дэниел, – но говорят, она более устойчива, чем кажется.

– А Франция? Ты был в Париже?

Харриет мечтательно вздохнула.

– Как бы я хотела увидеть Париж!

– А я хотела бы пройтись по парижским магазинам, – вставила Элизабет.

– О да!

Харриет выглядела так, словно вот-вот упадет без чувств при одной мысли о таком счастье.

– Платья!

– Я не был в Париже, – разочаровал кузин Дэниел.

Не стоило объяснять, что он просто не мог поехать в Париж. Там у лорда Рамсгейта было слишком много друзей.

– Может, мы не пойдем на прогулку? – с надеждой спросила Харриет. – Я бы лучше осталась с кузеном Дэниелом.

– А вот я с удовольствием погрелся бы на солнышке. Может, мне позволят сопровождать вас в парк?

Сара хмыкнула.

Дэниел повернул голову:

– У тебя что-то в горле застряло, Сара?

Ее взгляд был воплощением ехидства.

– Уверена, это связано с тем, что постигло меня вчера.

– Мисс Уинтер говорит, что подождет в конюшне, – объявила Френсис, рысцой вбегая в комнату.

– В конюшне? – откликнулась Элизабет. – Но мы хотели идти пешком.

– Она так сказала, – пожала плечами Френсис.

Харриет восторженно охнула:

– Может, она воспылала нежной страстью к одному из конюхов?

– О, ради бога! – отмахнулась Элизабет. – Один из конюхов? Как же!

- Но ты должна признать, что это было бы весьма волнующе!
- Для кого? Только не для нее! Вряд ли кто-то из конюхов умеет читать.
- Любовь слепа! – изрекла Харриет.
- Но не безграмотна! – отпарировала Элизабет.
- Дэниел поперхнулся смешком.
- Наверное, нам пора, – заметил он с учтивым поклоном и протянул руку Френсис, которая взяла ее с победным взглядом в сторону сестер.
- Желаю хорошо провести время! – крикнула вслед Сара. Неискренне.
- Что это с ней? – спросила Элизабет у Харриет, когда вся компания направилась к конюшне.
- По-моему, она все еще расстроена, что пропустила концерт, – ответила Харриет. – Дэниел, ты слышал, что Сара пропустила концерт?
- Слышал, – подтвердил тот. – Головокружение, не так ли?
- Мне казалось, что это простуда, – вставила Френсис.
- Что-то с желудком, – уверенно возразила Харриет. – Но это не важно. Мисс Уинтер... Она повернулась к Дэниелу:
- Это наша гувернантка. Она блестяще сыграла на фортепьяно.
- Она заменила Сару, – вторила Френсис.
- Мне кажется, она вовсе этого не хотела, – добавила Элизабет. – Иногда матушка может быть весьма настойчивой.
- Вздор, – перебила Харриет. – Мисс Уинтер с самого начала вела себя как героиня. И все сделала как нужно. Правда, один раз пропустила вступление, но если не считать этого, была идеальна.
- Идеальна?
- Дэниел мысленно вздохнул.
- Для описания музыкальных способностей мисс Уинтер было много эпитетов, но «идеальный» в их число не входил. И если Харриет так считает... Что ж, она прекрасно впишется в музыкальную компанию, когда придет ее время играть в квартете.
- Интересно, что она делает на конюшне? – спросила Харриет, когда они зашли за дом. – Пойди за ней, Френсис.
- Почему обязательно я? – негодуя бросила Френсис.
- Потому что.
- Дэниел выпустил руку Френсис. Он не собирался спорить с Харриет. Не был уверен, что сумеет тараторить без умолку: необходимое условие выигрыша.
- Френсис потопала к конюшне, только чтобы вернуться через минуту. В одиночестве.
- Дэниел нахмурился. Так не пойдет.
- Она велела передать, что сейчас вернется, – сообщила Френсис.
- Ты сказала, что с нами будет кузен Дэниел? – спросила Харриет.
- Нет, забыла, – пожала плечами девочка. – Но она не будет возражать.
- Дэниел не был так в этом уверен. Мисс Уинтер наверняка знала, что он в гостиной (потому и сбежала в конюшню), но вряд ли сообразила, что он намерен сопровождать их в парк. Прогулка обещала быть прекрасной. Даже веселой.
- Как по-вашему, что ее задержало? – удивилась Элизабет.
- Всего лишь на минуту, – отмахнулась Харриет.
- Неправда! Она была здесь по крайней мере за пять минут до нашего прихода.
- За десять, – поправила Френсис.
- Десять? – откликнулся Дэниел. От их болтовни у него начинала кружиться голова.
- Минут, – пояснила Френсис.
- Десяти не было.

Он не понял, кто произнес последнюю фразу.

– Но и пяти не было.

И эту фразу тоже произнес непонятно кто.

– Мы могли бы договориться на восьми, но, думаю, это неточно.

– Почему вы все так быстро лопочете? – был вынужден спросить Дэниел.

Все трое замолчали, взирая на него с одинаково изумленным выражением лиц.

– И вовсе не быстро, – обиделась Элизабет.

– Мы всегда так говорим, – вторила Харриет.

– И все остальные прекрасно нас понимают, – подытожила Френсис.

Поразительно, как три юные девушки могут лишить взрослого человека дара речи.

– Интересно, почему мисс Уинтер так опаздывает? – продолжила Харриет.

– Теперь я пойду за ней, – решила Элизабет, бросив на Френсис взгляд, явно говоривший о полной неспособности сестры сделать что-то как полагается.

Френсис только пожала плечами.

Но как только Элизабет добежала до конюшни, оттуда вышла вышеупомянутая леди, выглядевшая как истинная гувернантка, в практичном дневном сером платье и такого же цвета шляпке. Леди натягивала перчатки и хмурилась, разглядывая, как полагал Дэниел, разошедшийся шов.

– Это, должно быть, мисс Уинтер, – громко сказал он, прежде чем она увидела его.

Она подняла глаза и поспешно замаскировала улыбкой выражение тревоги.

– Я слышал о вас столько прекрасного, – величественно заметил Дэниел, выступая вперед, чтобы предложить ей руку.

Когда Энн взяла ее – крайне неохотно, нужно заметить, – он нагнулся и прошептал так, что слышала только она:

– Удивлены?

Глава 4

Она не удивилась.

Да и чему удивляться? Он пообещал, что придет, хотя она сказала, что ее не будет дома. Он заявил, что станет приходить снова и снова, даже когда она еще раз намекнула, что их встречи нежелательны.

Он граф Уинстед. Мужчины его положения делают все, что пожелают.

Его нельзя назвать злобным или даже эгоистичным. Энн нравилось думать, что она за все эти годы научилась разбираться в людях куда лучше, чем, скажем, в шестнадцать лет. Лорд Уинстед не намерен обольщать девушек против их воли и не намерен также губить, или угрожать, или шантажировать бедняжек, во всяком случае намеренно.

Если ее жизнь разрушится из-за лорда Уинстеда, то не потому, что он сделал это нарочно. Все произойдет потому, что он ее пожелал и захотел, чтобы она тоже его пожелала. И ему просто в голову не придет, что он не должен позволять себе преследовать ее.

Ведь ему дозволено все, не так ли?

– Вам не следовало приезжать, – негромко сказала она, когда они гуляли в парке. Девушки Плейнсуорт успели уйти вперед на несколько ярдов.

– Я хотел повидать кузин, – пояснил он с невинным видом.

Энн искоса глянула на него:

– В таком случае почему вы тащитесь сзади, со мной?

– Посмотрите на них. Они заняли весь тротуар. Не хотите же вы, чтобы я столкнул кого-то на обочину?

И верно, Харриет, Элизабет и Френсис выстроились по росту: слева – самая старшая, справа – самая младшая, совсем как приказывала матушка. Энн поверить не могла, что они выбрали этот день, чтобы наконец последовать материнскому приказу.

– Как ваш глаз? – спросила Энн. При ярком дневном свете глаз выглядел еще хуже. Но по крайней мере теперь она видела, какого цвета его глаза: светло-голубые, яркие. Просто абсурдно, как сильно ей хотелось это узнать!

– Все не так плохо, пока я до него не дотрагиваюсь, – сообщил Дэниел. – Если вы сжалитесь и не станете швыряться камнями мне в лицо, буду крайне признателен.

– Все мои планы на сегодня рухнули, – притворно пожалела она. – Какой кошмар!

Он хмыкнул, и на Энн нахлынули воспоминания. Не о чем-то особенном. Она вспомнила себя. Как чудесно было флиртовать, смеяться и нежиться в лучах внимания джентльменов.

Флирт – это так мило. Но не его последствия. Она до сих пор за это расплачивается.

– Прекрасная сегодня погода, – заметила она, помолчав.

– Неужели нам больше не о чем поговорить?

Его тон был веселым и шутливым, и когда Энн посмотрела на него, оказалось, что на его губах играет легкая таинственная улыбка.

– Погода великолепная, – поправила она.

Его улыбка стала шире. И ее тоже.

– Пойдем к Серпентину? – спросила Харриет, оборачиваясь.

– Куда пожелаешь, – благодушно разрешил Дэниел.

– Роттен-роу, – поправила Энн. Когда он уставился на нее, вскинув брови, она пояснила:

– Я по-прежнему их гувернантка, не так ли?

Он отсалютовал ей, кивнул и крикнул:

– Куда пожелает мисс Уинтер.

– Надеюсь, мы не займемся математикой, – пожаловалась Харриет.

Лорд Уинстед с нескрываемым любопытством воззрится на Энн:

– Математикой? На Роттен-роу?

– Мы делали измерения, – сообщила она. – Они уже измерили среднюю длину своих шагов. Теперь будут их считать и вычислять длину дорожки.

– Очень мило, – одобрительно заметил Дэниел. – И пока они считают, ведут себя тихо и спокойно.

– Вы не слышали, как они считают, – вздохнула Энн.

Он с некоторой тревогой повернул голову к ней:

– Только не говорите, что они не умеют считать.

– Конечно, умеют, – улыбнулась она, не в силах сдержаться. Он выглядел таким смешным с одним глазом, в котором сияло удивление. Другой все еще оставался слишком заплывшим, чтобы выразить какие-либо эмоции.

– Ваши кухни все делают с большим энтузиазмом, – заверила Энн. – Даже считают.

– Значит, вы хотите сказать, – заметил Уинстед, немного подумав, – что через пять или около того лет, когда в квартете Смайт-Смитов появятся Плейнсуорты, мне страстно захочется быть как можно дальше?

– Я никогда не сказала бы чего-то подобного, – заверила она. – Но знаете ли вы, что Френсис решила нарушить традицию и скоро начнет играть на контрабасе?

Он поморщился.

– Неужели?

Оба рассмеялись. В унисон.

– Девочки! – окликнула Энн. – Сейчас к вам присоединится лорд Уинстед.

– Я?!

– Да, – подтвердила Энн, когда девочки подбежали к ним. – Он сам сказал, что очень интересуется вашими занятиями.

– Лгунья, – пробормотал он.

Она проигнорировала укол, но, когда позволила себе ехидную полуулыбку, постаралась сделать так, чтобы приподнятый уголок ее губ был ему виден.

– Вот что мы сделаем, – решила она. – Пока мы тут спорим, вы измерите длину дорожки и умножите на количество шагов и на длину шага.

– Но кузен Дэниел не знает длины своего шага.

– Именно, и вот это делает урок интереснее. Как только вы определите длину дорожки, вычислите длину его шага.

– Устно?!

С таким же успехом Энн могла сказать, что им пора учиться бороться с осьминогом.

– Это единственный способ научиться считать в уме, – отрезала она.

– Я сам предпочитаю перо и бумагу, – вставил лорд Уинстед.

– Не слушайте его, девочки. Чрезвычайно полезно считать в уме. Только подумайте, как это можно применить в жизни.

Все четверо молча уставились на нее. Очевидно, способы применения на ум не приходили.

– Покупки, – напомнила Энн, надеясь возбудить интерес в девочках. – Математика невероятно помогает делать покупки. Вы же не собираетесь носить с собой перо и бумагу, когда идете к шляпнице, не так ли?

Но девочки продолжали непонимающе смотреть на нее. У Энн возникло ощущение, что они в жизни не справлялись о цене шляпки, не говоря уже о других покупках.

– Как насчет игр? – попыталась она. – Если отточите математические навыки, невозможно представить, чего вы добьетесь в карточной игре.

– Даже не представляете, чего именно, – пробормотал лорд Уинстед.

– Вряд ли матушка хочет, чтобы мы играли в карты, – покачала головой Элизабет.

Энн услышала, как граф смешливо фыркнул.

– Как же вы намерены проверить наши результаты? – поинтересовалась Харриет.

– Очень хороший вопрос, – похвалила Энн. – И на него я отвечу завтра. – Она помедлила ровно секунду. – Когда соображу, как это сделать.

Девушки захихикали, а Энн этого и добивалась. Самоуничтожение лучше всего помогает возобновить контроль над беседой.

– Мне нужно вернуться, чтобы узнать результаты, – обрадовался лорд Уинстед.

– Нет необходимости, – поспешно заверила Энн. – Мы можем прислать их с лакеем.

– Или мы можем прогуляться и принести все! – предложила Френсис, с надеждой глядя на графа. – До Уинстед-Хауса не так далеко, и мисс Уинтер любит, когда мы ходим пешком.

– Это очень полезно для тела и ума, – чопорно заметила Энн.

– Но куда приятнее, когда делаешь это в компании, – возразил лорд Уинстед.

Энн сжала губы, чтобы не дать достойный ответ, и повернулась к девочкам.

– Давайте начнем, – деловито сказала она, подводя их к началу дорожки. – Идите отсюда и вниз. Я подожду здесь, на этой скамейке.

– Вы не с нами? – встрепелась Френсис, окидывая Энн обвинительным взглядом.

– Не хотела мешать, – промямлила Энн.

– Но вы никак не можете помешать, мисс Уинтер, – заверил лорд Уинстед. – Дорожка очень широкая.

– Тем не менее...

– Тем не менее... – повторил он.

Она резко кивнула.

– Возражение, вряд ли достойное лучшей в Лондоне гувернантки.

– Прелестный комплимент, но он едва ли побудит меня броситься в битву, – высказалась она в тон.

– Трусиха, – прошептал Уинстед, шагнув к Энн.

– Сомневаюсь, – отпарировала она, умудрившись при этом почти не шевельнуть губами.

И с ослепительной улыбкой добавила: – Итак, девочки, пора. Я немного постою здесь, чтобы помочь вам начать.

– Мне не нужна помощь, – проворчала Френсис. – Хорошо бы вообще ничего не делать!

Энн только улыбнулась. Она знала, что позже Френсис будет хвастаться своими вычислениями.

– Вы тоже, лорд Уинстед, – велела Энн, глядя на него с самым благодушным выражением. Девочки уже двинулись вперед, к сожалению, с разной скоростью, так что воздух наполнился какофонией цифр.

– Но я не могу, – возразил он, кладя руку на сердце.

– Почему же? – спросила Харриет, но Энн одновременно сказала:

– Конечно можете.

– У меня кружится голова, – признался Уинстед с такой очевидной наигранной удрученностью, что Энн, не выдержав, закатила глаза.

– Это правда, – настаивал он. – У меня... что там было у бедняжки Сары? Морская болезнь.

– У Сары было плохо с животом, – поправила Харриет, осторожно попятившись.

– Но у тебя раньше не кружилась голова, – заметила Френсис.

– Все потому, что я не закрывал глаз.

Это надежно заткнуло всем рты.

– Простите? – спросила наконец Энн, которая на самом деле хотела знать, какое отношение имеет ко всему его закрытый глаз.

– Я всегда закрываю глаз, когда считаю, – пояснил он с самым честным видом.

– Вы всегда... погодите, – сказала Энн с подозрением. – Вы закрываете один глаз, когда считаете?

– Да. Не могу же я закрыть оба.

– Почему? – оживилась Френсис.

– Тогда я не смогу видеть, – пояснил Уинстед, словно ответ был ясен как день.

– Тебе не нужно видеть, для того чтобы считать, – заявила Френсис.

– Нужно.

Он лгал. Энн ожидала, что девочки протестующее завопят, но они не стали. Мало того, Элизабет выглядела крайне заинтересованной.

– Какой глаз? – спросила она.

Граф откашлялся, и Энн была совершенно уверена, что увидела, как он подмигнул сначала одним, потом другим глазом, словно чтобы напомнить, где тут пострадавшая сторона.

– Правый, – ответил он.

– Конечно, – кивнула Харриет.

Энн взглянула на нее:

– Что?!

– Ну... ведь он правша, не так ли? Дэниел, ведь ты правша?

– Так и есть, – подтвердил он.

Энн перевела взгляд с лорда Уинстеда на Харриет и обратно:

– И это естественно, потому что...

Лорд Уинстед едва заметно пожал плечами. Харриет вовремя успела спасти его от ответа, вставив:

– Просто естественно, и все.

– Уверен, что смогу принять вызов на следующей неделе, как только глаз заживет, – заверил лорд Уинстед. – Не знаю, почему я сразу не сообразил, что потеряю чувство равновесия, если придется смотреть на свет одним распухшим глазом.

Глаза Энн – оба глаза – сузились.

– Я думала, что чувство равновесия зависит от способности слышать.

– Только не говорите, что он теряет слух! – ахнула Френсис.

– Ничего от не теряет, – отмахнулась Энн. – Хотя я действительно могу оглохнуть, если вы не перестанете вопить так громко. А теперь идите, все трое, и выполняйте работу. Я пока посижу.

– И я тоже! – поддакнул лорд Уинстед. – Но душой я с вами, дорогие кузины.

Девочки принялись считать, а Энн направилась к скамейке. Лорд Уинстед последовал за ней. Как только они сели, она заявила:

– Не представляю, с чего вдруг они поверили этой чепухе насчет вашего глаза.

– О, ничуть они не поверили, – весело ухмыльнулся он. – Я сказал, что дам по фунту каждой, если они на несколько минут оставят нас одних.

– Что? – взвизгнула Энн.

Уинстед согнулся вдвое от смеха.

– Ну, конечно, я не делал ничего подобного. Боже милостивый, вы считаете меня полным идиотом? Нет, не отвечайте.

Энн покачала головой, раздражаясь на свою чрезмерную доверчивость. Но все же сердиться не могла – уж очень добродушным был его смех.

– Я удивлена, что никто не подошел с вами поздороваться, – покачала она головой. В парке было не слишком много людей, как всегда в это время дня, но все же время от времени кто-то проходил мимо. Энн знала, что лорд Уинстед был весьма популярен, когда жил в Лондоне: трудно поверить, что никто не заметил его присутствия в Гайд-парке.

– Не думаю, что многие знают о моем возвращении, – пояснил он. – Люди видят то, что ожидают увидеть, а в парке никто не ожидает увидеть меня. – Граф с сожалением улыбнулся и указал на свой заплывший глаз. – Особенно в этом состоянии.

– И не со мной, – добавила Энн.

– Кстати, я все гадаю, кто вы?

Она резко повернулась.

– Странная реакция на такой простой вопрос, – констатировал он.

– Я Энн Уинтер, – спокойно ответила она. – Гувернантка ваших кузин.

– Энн, – тихо повторил граф, и она вдруг поняла, что он смакует ее имя как лакомство.

Он склонил голову набок:

– Уинтер или Винтер?

– Уинтер. А что? – невольно фыркнула Энн.

– Просто так. Это вполне естественное любопытство.

Он немного помолчал, прежде чем добавить:

– Она вам не идет.

– Простите, что именно?

– Ваша фамилия. Уинтер. Она вам не идет.

– Нам редко доводится выбирать наши имена, – подчеркнула она.

– Верно, но все же я иногда нахожу весьма интересным тот факт, что некоторым очень идут их фамилии.

Энн не смогла скрыть лукавой улыбки.

– В таком случае, каково быть Смайт-Смитом?

Уинстед вздохнул, возможно, чересчур драматично.

– Полагаю, мы обречены исполнять один и тот же концерт снова, снова и снова...

Он выглядел таким безутешным, что Энн рассмеялась.

– О чем это вы?

– Части фамилии почти одинаковы, не находите?

– Смайт-Смит? В ней звучит что-то дружелюбное.

– Мне так не кажется. Мне кажется, что, если Смайт женился на Смит, могли бы уладить разногласия и выбрать нечто достойное, вместо того чтобы навязать обе фамилии всем остальным членам рода.

– И давно ваша фамилия пишется через дефис? – усмехнулась Энн.

– Несколько сотен лет.

Граф повернулся, и она на мгновение забыла его синяки и царапины. Видела только его. Он смотрел на нее как на единственную в мире женщину.

Энн кашлянула, чтобы не была так заметна ее попытка отодвинуться. Он опасен, этот человек. Хотя они сидели в парке, разговаривая о пустяках, она это чувствовала.

Что-то пробудилось в душе Энн, и она отчаянно пыталась это погасить.

– Я слышал самые противоречивые истории, – продолжал Уинстед, не подозревая о ее смятении. – У Смайтов были деньги, а у Смитов – положение. Есть еще и романтическая версия: у Смайтов были деньги и положение. А у Смитов – прелестная дочь.

– С волосами как червонное золото и небесно-голубыми глазами? Звучит как легенда о временах короля Артура.

– Нет, к сожалению. Прелестная дочь оказалась сварливой фурией, – сухо улыбнулся граф. – Которая к старости стала настоящей уродиной.

Энн весело хихикнула:

– Почему же семья не отказалась от такого имени и не оставила фамилию Смайт?

– Понятия не имею. Возможно, подписали контракт. Или кто-то счел, что эта фамилия лучше звучит. Так или иначе, я даже не знаю, правдива ли эта история.

Энн снова рассмеялась, не спуская глаз с девочек. Харриет и Элизабет пререкались из-за чего-то, возможно о пустяках вроде травинки. Френсис продолжала идти, делая гигантские шаги, что, разумеется, исказит полученные результаты. Энн знала, что ей следует подойти и призвать Френсис к порядку, но было так приятно сидеть на скамейке в обществе графа!

– Вам нравится быть гувернанткой? – спросил он.

– Нравится? – нахмурилась Энн. – Что за странный вопрос.

– Не могу придумать ничего более странного, если речь идет о вашей профессии.

Последняя фраза показала, как много он знает о необходимости искать работу.

– Никто не спрашивает гувернантку о том, нравится ли ей это занятие. О подобном вообще никто никого не спрашивает.

Энн думала, что на этом разговор закончен, но, посмотрев на графа, увидела, что он рассматривает ее с неподдельным и искренним любопытством.

– Вы когда-нибудь спрашивали лакея, нравится ли ему быть таковым? – добавила она. – Или горничную.

– Гувернантку вряд ли можно сравнить с лакеем или горничной.

– Между нами больше сходства, чем вы думаете. Нам платят жалованье. Мы живем в чужом доме. И всегда находимся в шаге от того, чтобы быть выброшенными на улицу.

И пока Уинстед обдумывал сказанное, она отплатила ему той же монетой, спросив:

– А вам нравится быть графом?

– Понятия не имею, – ответил он и, заметив ее удивленный взгляд, пояснил: – У меня почти не было времени узнать, что это такое. Я пробыл графом едва ли с год, прежде чем покинул Англию, и стыдно признать, но за этот год не сделал ничего особенного. Если графство процветает, то лишь благодаря превосходному управляющему и его способности нанимать трудолюбивых подчиненных.

И все же она запротестовала.

– Но вы, что ни говорите, оставались графом. И не важно, на чьей земле находились все это время. Когда вы знакомитесь с кем-то, представляетесь: «Я Уинстед». Не: «Я мистер Уинстед».

– Я приобрел очень мало знакомых, пока был за границей.

– Вот как?

Заявление было крайне странным, и Энн не знала, что ответить. Больше он не сказал ничего, но в прежней реплике она услышала меланхолические нотки и потому завершила:

– Мне действительно нравится быть гувернанткой. По крайней мере у них.

Она с улыбкой помахала девочкам.

– Насколько я понял, это не первое ваше место, – заметил он.

– Не первое. Третье. И я также служила компаньонкой.

Энн сама не понимала, почему говорит все это. Обычно она не пускалась в такие откровенности. Но все это граф мог узнать, расспросив тетку. Энн рассказала ей о всех предыдущих хозяевах, когда поступала к Плейнсуортам. Даже о той работе, которая не кончилась добром. Энн вообще стремилась быть честной, когда возможно, вероятно потому, что очень часто это было невозможно. И она была очень благодарна леди Плейнсуорт, не осудившей ее за то, что она уволилась и ушла из дома, где приходилось каждую ночь запиравать и баррикадировать дверь от вторжения отца ее подопечных.

Лорд Уинстед впился в нее пронизательным взглядом, после чего сказал:

– Я по-прежнему считаю, что вы не Уинтер.

«Почему он так одержим этой идеей?»

Но Энн пожала плечами:

– Ничего не могу поделать. Разве что выйти замуж.

Гувернантки редко имели возможность встретить холостого джентльмена их круга, а кроме того, Энн вовсе не хотела выходить замуж. Трудно представить, что она даст мужчине полный контроль над своей жизнью и своим телом.

– Взгляните хоть на эту леди, – сказал он, кивнув в сторону женщины, которая брезгливо обошла Френсис и Элизабет, прыгавших по дорожке. – Вот она выглядит, как Уинтер. Почти белые волосы, холодная натура ¹.

– Вы же ее не знаете? Как можете говорить о ее натуре?

– Простите, забыл сказать, – признался он. – Я раньше знал ее.

Энн не хотела даже думать о том, как близко они были знакомы.

– Думаю, вы скорее осень, – продолжал Уинстед.

– Предпочла бы быть весной, – тихо, словно про себя, ответила она.

Он не спросил, почему. Энн даже не обратила внимания на затянувшуюся паузу до той минуты, когда оказалась в своей маленькой комнатке и детально вспомнила тот разговор. Ее заявление требовало объяснения. Но он не спросил. Приучился не лезть в чужие дела.

Но Энн хотела бы, чтобы он спросил. Но он не нравился бы ей так сильно, если бы спросил.

А у нее было чувство, что если Дэниел Смайт-Смит, равным образом безвестный или пользующийся дурной славой, будет продолжать ей нравиться, это может привести только к катастрофе.

Когда Дэниел шел вечером домой, предварительно заглянув к Маркусу, чтобы принести официальные поздравления, вдруг сообразил, что не может припомнить, когда в последний раз так наслаждался проведенным временем.

Возможно, дело в том, что последние три года жизни он провел в изгнании и часто скрывался от наемных громил лорда Рамсгейта. Такое существование не располагало к неспешным прогулкам и приятным беседам.

И сегодня, впервые за последнее время, Дэниел по-настоящему расслабился. Пока девочки считали свои шаги по Роттен-роу, он и мисс Уинтер сидели и болтали о всяких пустяках. И все это время он не мог не думать о том, как хотел бы сжать ее руку.

И все. Только руку.

Он поднес бы ее к губам и склонил бы голову. И точно понял бы, что простой рыцарский поцелуй будет началом чего-то удивительного.

Именно поэтому поцелуя руки было достаточно. Потому что этот жест стал бы обещанием.

Теперь, оставшись наедине со своими мыслями, он думал обо всем, что может сулить это обещание. Изгиб шеи, роскошная копна распущенных волос. Дэниел не мог вспомнить, когда так сильно хотел женщину. И это переходило границы простого желания. Его потребность в Энн была глубже, чем власть над ее телом. Он хотел боготворить ее, хотел...

Удар прилетел ниоткуда и пришелся чуть ниже уха, отчего Дэниел отлетел и ударился спиной о фонарный столб.

– Какого черта, – пробурчал он, подняв глаза как раз вовремя, чтобы увидеть наступавших на него двоих.

– Вот он, хороший парень, – сказал один, пробираясь, подобно змее, в туманной дымке. При свете фонаря Дэниел уловил блеск ножа.

Рамсгейт!

Это его люди. Наверняка его люди.

¹ Фамилия Энн созвучна английскому слову «winter» – зима.

Черт возьми, Хью обещал ему, что бояться нечего! Неужели Дэниел сглупил, когда поверил ему? Но ему так отчаянно хотелось домой, что он не мог заставить себя видеть правду...

За последние три года Дэниел научился драться грязно и даже подло, и пока первый из нападавших корчился на тротуаре после пинка в пах, второму пришлось бороться за обладание ножом.

– Кто вас послал? – прорычал Дэниел. Они стояли лицом к лицу, почти нос к носу, высоко подняв руки, и оба боролись за оружие.

– Мне просто нужны твои монеты, – бросил злодей и улыбнулся, хотя глаза жестко блеснули. – Отдай деньги и можешь проваливать.

Он лгал. Дэниел знал это. Твердо знал. Если он хотя бы на минуту отпустит запястья бандита, нож воткнется между его ребер. Кажется, у него осталось всего несколько мгновений, пока тот, кто валяется на земле, придет в себя.

– Эй, что тут происходит?

Дэниел метнул взгляд через улицу, как раз вовремя, чтобы увидеть двоих, выбегающих из паба. Нападающий тоже их увидел и, ловко вывернув запястье, отшвырнул нож. Извиваясь и толкаясь, он вырвался и бросился бежать. Дружок помчался за ним.

Дэниел бросился в погоню, полный решимости поймать хотя бы одного. Только так он сможет получить все ответы. Но еще до того, как он успел добраться до угла, один из посетителей паба набросился на него, приняв за преступника.

– Черт, – пробурчал Дэниел. Но не было смысла проклинать человека, который сбил его с ног. Если бы не его появление, Дэниела скорее всего убили бы.

Если он хочет получить ответ, нужно найти Хью Прентиса.

И чем скорее, тем лучше.

Глава 5

Хью жил в небольшой квартире в Олбани, элегантном здании, где обитали джентльмены благородного происхождения и скромных средств. Хью, конечно, мог оставаться в огромном отцовском особняке, и, собственно говоря, лорд Рамсгейт делал все, если не считать шантажа, чтобы вынудить его остаться. Но, как сказал Хью Дэниелу во время долгого путешествия из Италии, он больше не разговаривал с отцом.

Зато отец, к несчастью, разговаривал с ним.

Когда Дэниел пришел, Хью не оказалось дома, зато его камердинер был на месте и проводил Дэниела в гостиную, заверив, что Хью должен скоро вернуться.

Почти час Дэниел мерил шагами комнату, перебирая в памяти все подробности нападения. Улица была не самой освещенной в Лондоне, но уж точно не считалась одной из наиболее опасных. С другой стороны, если вор хотел получить кошель потолще, ему стоило бы выйти за границы притонов Сент-Джайлза и Олд-Никол-стрит. Дэниел – не первый джентльмен, которого обчистили бы вблизи Мейфэра.

Это могло быть простым ограблением. Разве не так? Они сказали, что им нужны деньги. И это вполне правдоподобно.

Но Дэниел слишком долго жил с оглядкой, чтобы принять столь простое объяснение. И когда Хью наконец появился в комнате, Дэниел уже приготовился.

– Уинстед! – немедленно воскликнул Хью. Он не выглядел удивленным, но у Хью на редкость бесстрастное лицо. Отчасти поэтому у него почти невозможно выиграть в карты. Большую роль играет, конечно, его из ряда вон выходящая способность запоминать числа.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Хью и, закрыв дверь, проковылял вперед, тяжело опираясь на трость. Дэниел вынудил себя наблюдать за ним. Когда они снова встретились, ему было трудно видеть хромавшего Хью и сознавать, что причиной этому стал он. Теперь он считал, что должен смотреть на Хью, и это станет частью его покаяния. Хотя после случившегося сегодня вечером он не был уверен, что заслуживает покаяния.

– На меня напали, – коротко бросил Дэниел.

Хью замер. Очень медленно повернулся. Взгляд перебежал с лица Дэниела на его ноги и обратно.

– Садись, – резко бросил он, показывая на стул.

Но кровь Дэниела слишком быстро бежала по венам, чтобы он мог спокойно сидеть.

– Предпочту постоять.

– Прости, я все равно сяду, – усмехнулся Хью с явным презрением к себе. Неуклюже подковылял к стулу и осторожно на него опустился. Вытянул больную ногу и вздохнул с видимым облегчением.

Так притворяться невозможно. Пусть он лжет во всем остальном, но только не в этом. Дэниел видел ногу Хью, исковерканную и покрытую шрамами. Врачи совершили невероятный подвиг, сохранив ее. И чудо еще, что он может хотя бы на нее опираться.

– Не возражаешь, если я выпью? – осведомился Хью. Положил трость на стул и стал разминать мышцы ноги, не стараясь скрыть выражение боли. – Спиртное там, – поморщился он, кивнув в сторону шкафчика.

Дэниел пересек комнату и извлек бутылку бренди.

– На два пальца? – спросил он.

– Три. Пожалуйста. День был долгим.

Дэниел налил бренди и принес Хью. Он не касался спиртного с той кошмарной пьяной ночи, но ведь у него не было искалеченной ноги, требовавшей чего-то обезболивающего.

– Спасибо, – то ли прошептал, то ли простонал Хью. Сделал большой глоток, потом другой, прикрыв глаза, когда по горлу прокатился огонь. – Ну вот, – выдохнул он, снова обретая равновесие. Поставил бокал и поднял глаза.

– Мне сказали, что твои увечья – дело рук лорда Чаттериса.

– Это совсем другое, – отмахнулся Дэниел. – На меня напали двое, когда я вечером возвращался домой.

Хью выпрямился. Взгляд стал острым.

– Они что-то сказали?

– Потребовали денег.

– Но они знали твое имя?

Дэниел покачал головой.

– Этого они не сказали.

Хью долго молчал, прежде чем высказаться:

– В таком случае вполне возможно, что это обычные грабители.

Дэниел скрестил руки на груди и уставился на него.

– Я же сказал, что вырвал обещание у отца, – тихо напомнил Хью. – Он тебя и пальцем не коснется.

Дэниел хотел ему верить. Мало того, он ему верил. Хью никогда не был лгуном. И мстительным тоже не был. Но, возможно, отец его обманул?

– Откуда я знаю, что твоему отцу можно доверять? – спросил Дэниел. – Последние три года он искал моей смерти.

– А я провел последние три года, убеждая его, что в этом... – Хью скривил губы и помахал ладонью над искалеченной ногой, – столько же моей вины, сколько и твоей.

– Он никогда этому не поверит.

– Не поверит, – согласился Хью. – Он упрямый осел и всегда был таким.

Не впервые Дэниел слышал, как Хью говорит об отце подобным образом, но все же был озадачен. Что-то в бесстрастном тоне Хью лишало его равновесия.

– Откуда мне знать, буду ли я в безопасности? – взорвался он. – Я вернулся в Англию, полагаясь на твои уверения в том, что твой отец сдержит слово. Если что-то случится со мной или, не дай бог, с членами моей семьи, я буду преследовать его до края земли.

Хью не собирался указывать Дэниелу на то, что, если его убьют, некому будет преследовать отца.

– Мой отец подписал контракт, – напомнил Хью. – Ты его видел.

У Дэниела даже была копия, как и у Хью, и лорда Рамсгейта, а также у поверенного Хью, получившего строгие инструкции держать ее под замком. Но все же...

– Он не первый человек, пренебрегший подписанным документом, – тихо ответил Дэниел.

– В самом деле? – Лицо Хью мгновенно осунулось. Под глазами легли тени. – Но этим документом он не пренебрежет. Я сделал для этого все.

Дэниел подумал о семье. О сестре и матери. Об озорных, хохочущих кузинах Плейнсуорт, которых он только сейчас начал узнавать снова. Подумал о мисс Уинтер и живо представил ее лицо. Если что-то с ним случится до того, как он получит возможность узнать ее...

Если что-то случится с ней...

– Мне нужно знать, почему ты так в этом уверен, – ответил Дэниел яростным шепотом.

– Ну...

Хью поднес бокал к губам и снова жадно глотнул.

– Ладно, если так хочешь знать... Я сказал ему, что, случись с тобой что-то, я покончу с собой.

Будь у Дэниела в этот момент что-то в руках, наверняка с грохотом полетело бы на пол. Удивительно еще, что он сам не упал без чувств!

– Отец достаточно хорошо меня знает, чтобы понимать: в таких вещах я не шучу, – беспечно заметил Хью.

Дэниел не мог говорить.

– Так что... – Хью сделал очередной глоток, на этот раз едва коснувшись губами жидкости. – Буду очень благодарен, если ты не позволишь прикончить себя в уличной драке. Я уж точно во всем обвиню отца и, честно говоря, предпочел бы не прощаться с жизнью без особой надобности.

– Ты спятил, – прошептал Дэниел.

Хью пожал плечами.

– Иногда я тоже так считаю. Отец уж точно согласился бы с тобой.

– Но почему ты так поступил?

Дэниел представить не мог, что кто-то еще, даже Маркус, бывший для него настоящим братом, произнес бы подобную угрозу.

Хью очень долго молчал, глядя куда-то вдаль и лишь изредка моргая. Наконец, когда Дэниел уже был уверен, что Хью никогда не ответит, тот повернулся и сказал:

– Я был глупцом, когда назвал тебя шулером. Был пьян. И думал, что ты тоже пьян. Не верил, что ты способен выиграть у меня.

– Я и не способен. Мне просто повезло.

– Да, – согласился Хью. – Но я не верю в везение. Никогда не верил. Зато верю в умение и еще больше – в логическое мышление, а в ту ночь я не мог логически мыслить. Ни в игре, ни в общении с людьми.

Он посмотрел на пустой бокал. Дэниел подумал было, что нужно вновь его наполнить, но решил, что если Хью захочет, попросит сам.

– Я виноват в том, что тебе пришлось покинуть страну, – продолжал Хью, ставя бокал на стол. – Я больше не мог жить в ладу с собой, зная, что разрушил твою жизнь.

– Но и я разрушил твою, – тихо напомнил Дэниел.

Хью улыбнулся, но улыбка коснулась только уголка губ. Не глаз.

– Это всего лишь нога.

Но Дэниел не поверил ему. И Хью вряд ли верил себе.

– Я позабочусь об отце, – пообещал Хью деловито и коротко, давая знать, что встреча подходит к концу. – Не думаю, что он настолько глуп, чтобы натравить на тебя этих громил, но на всякий случай напомню ему о своей угрозе.

– Ты сообщишь мне о результатах встречи?

– Разумеется.

Дэниел пошел к двери. А когда повернулся, чтобы попрощаться, увидел, что Хью пытается подняться. С губ Дэниела едва не сорвалось «не стоит», но он прикусил язык. Каждый мужчина нуждается в толике гордости.

Хью протянул руку, схватил трость и мучительно медленно поковылял к двери, чтобы проводить Дэниела.

– Спасибо за то, что пришел, – сказал он, протягивая руку, и Дэниел пожал ее.

– Я счастлив называть тебя своим другом, – прошептал он и ушел, но не раньше, чем увидел, как Хью быстро отвернулся. Глаза его были полны слез.

На следующий день, после того как Энн и ее подопечные провели утро в Гайд-парке, она села за письменный стол в гостиной Плейнсуортов, щекоча подбородок пером и обдумывая, какие пункты поместить в список. Сегодня у Энн был свободный день, и она всю неделю с нетерпением ожидала, когда сможет сделать накопившиеся дела и кое-чтокупить. Не то чтобы

у нее было много денег, но она обожала ходить по магазинам. Приятно иметь хоть несколько минут для себя, когда не нужно ни за кого отвечать и ни за кем смотреть.

Однако приготовления были прерваны появлением леди Плейнсуорт, которая вплыла в комнату в шорохе бледно-зеленого муслина.

– Мы завтра уезжаем! – объявила она.

Энн в полном недоумении подняла глаза и встала:

– Простите?

– Мы не можем оставаться в Лондоне. По городу поползли слухи, – объявила леди Плейнсуорт.

– Слухи? Какие именно?

– Маргарет сказала, что слышала разговоры, будто Сара вовсе не была больна в ночь концерта и фактически пыталась его сорвать.

Энн не знала, кто такая Маргарет, но невозможно отрицать тот факт, что упомянутая леди хорошо информирована.

– Сара никогда не сделает ничего подобного, – продолжала леди Плейнсуорт. – Она такой прекрасный музыкант! И послушная дочь. Весь год ждет не дождется концерта.

Энн не могла ничего на это ответить, но, к счастью, леди Плейнсуорт ответа и не ждала.

– Есть только один способ бороться со столь злобной ложью, – продолжала она, – покинуть город.

– Покинуть город? – эхом отозвалась Энн. Меры казались чрезвычайными. Сезон только начинался, и она думала, что главной целью леди Плейнсуорт было найти мужа для Сары. Поэтому вряд ли стоило возвращаться в Дорсет, где Плейнсуорты жили на протяжении семи поколений.

– Именно, – тяжело вздохнула леди Плейнсуорт. – Знаю, Сара выглядит так, словно ее здоровье улучшилось, и возможно, так и есть. Но все в Лондоне должны думать, будто она лежит на смертном одре.

Энн моргнула, пытаясь следовать логике графини.

– Но разве для этого не требуется присутствие врача?

– Нет. Только здоровый деревенский воздух, – отмахнулась леди Плейнсуорт. – Всем известно, что в городе трудно оправиться от опасной болезни.

Энн, втайне радуясь, кивнула. Она предпочитала оставаться в деревне. У нее не было знакомых на юго-западе Англии, и она предпочитала держаться подальше от сует города. Кроме того, имелась еще одна проблема: ее увлечение лордом Уинстедом. Необходимо было задушить это чувство в зародыше, а двести миль, отделяющих деревню от Лондона, казались лучшим выходом из положения.

Отложив перо, она спросила леди Плейнсуорт:

– Как долго мы пробудем в Дорсете?

– О, мы не едем в Дорсет, и слава богу! Такое утомительное путешествие! Придется оставаться в деревне не менее двух недель, чтобы все посчитали, что Сара немного отдохнула и поправилась.

– В таком случае, куда...

– Мы едем в Уиппл-Хилл, – объявила хозяйка. – Это недалеко от Виндзора. Доберемся быстрее чем за день.

«Уиппл-Хилл? Почему название кажется знакомым?»

– Нас пригласил лорд Уинстед.

Энн неожиданно закашлялась.

Леди Плейнсуорт сочувственно воззрилась на нее.

– Вы здоровы, мисс Уинтер?

– Всего лишь... кхе-кхе... что-то... кхе-кхе... попало в горло...

– Лучше сядьте, если считаете, что это поможет. Не нужно никаких церемоний, по крайней мере сейчас.

Энн благодарно кивнула и снова уселась. Лорд Уинстед. Ей следовало бы сразу догадаться.

– Идеальное решение для всех нас, – продолжала леди Плейнсуорт. – Лорд Уинстед тоже хочет покинуть Лондон. Печальная слава, знаете ли. Скоро по городу распространится новость о его возвращении, и его осадят визитеры. Кто осудит человека за желание обрести мирное воссоединение с семьей?

– Значит, он будет нас сопровождать? – осторожно спросила Энн.

– Разумеется. Это его поместье. Казалось бы странным, если бы мы отправились туда без него, пусть даже я его любимая тетка. Скорее всего, его сестра и мать тоже поедут, хотя в этом я не уверена.

Леди Плейнсуорт остановилась, чтобы передохнуть. Выглядела она совершенно удовлетворенной последним поворотом событий.

– Нянюшка Фландерз присмотрит за сборами, поскольку у вас сегодня свободный день. Но буду крайне благодарна, если по возвращении вы все проверите сами. Нянюшка – милая старушка, но возраст, знаете ли...

– Конечно, – пробормотала Энн. Она обожала нянюшку, но та уже давно имела проблемы со слухом. Энн всегда восхищалась леди Плейнсуорт за то, что та не уволила старушку, которая нянчила ее еще в детстве.

– Мы едем на неделю, – продолжала леди Плейнсуорт. – Пожалуйста, захватите побольше учебников, чтобы девочки были постоянно заняты.

«Неделю? В доме лорда Уинстеда? И в его присутствии?»

Сердце Энн упало и одновременно взмыло вверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.